

Федор РАЗЗАКОВ

Скандалы СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Звезды зажигали, власть гасила

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

Федор Раззаков

Скандалы советской эпохи

«ЭКСМО»

Раззаков Ф. И.

Скандалы советской эпохи / Ф. И. Раззаков — «Эксмо»,

Времена меняются. Сейчас любой скандал в шоу-бизнесе, в театре, кино или спорте тут же становится достоянием гласности, его обсуждает пресса, участников скандала показывает ТВ, зрители смакуют подробности. Но так было не всегда. В советскую эпоху цензура в прессе и на ТВ напрочь лишала поклонников звезд этого «удовольствия». Ходили слухи, люди ловили редкие сообщения, а пресса бодро рапортовала о высокой нравственности общества. Тем не менее скандалы происходили, порой на самых верхних этажах власти, с самыми популярными актерами, самыми уважаемыми деятелями культуры и самыми известными спортсменами. Что ж, вернемся на десятилетия назад и постараемся понять, что же тогда происходило на самом деле...

© Раззаков Ф. И.

© Эксмо

Содержание

Предисловие	5
1923	7
В прицеле – основатель МХАТ	7
Дело четырех поэтов	9
1930	11
«Земля» не для бедного	11
1935	13
Не веселые против веселых	13
1936	15
«Сумбур вместо музыки»	15
Несчастливый тринадцатый	17
1938	18
«Звезды» с норовом	18
1939	21
Скандальная переигровка («Спартак» Москва – «Динамо» Тбилиси)	21
1939–1941	26
Неистовый Борис (Борис Андреев)	26
1948	28
Арчил выбивает глаз	28
1949	29
Стиляги	29
1951	32
Опасные шутки	32
1952	34
Разгон ЦДКА	34
1953	37
Отелло кусает за нос...	37
1955	38
В прицеле – Мосэстрада	38
Стиляги-2	40
Скандальный министр	42
«О чем поешь, Ружена?»	45
Как артист поборол милиционера	47
Как «застрелили» композитора	48
Сюрприз в кишке	49
Поэт в кольце завистников	50
1958	51
Как убрали Эдика	51
«Тузик в обмороке»	56
Стиляги-3	59
Бюрократы против Гайдая	61
Люся, стоп!	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Федор Раззаков

Скандалы советской эпохи

Предисловие

Эта книга писалась на фоне громкого скандала **2007 года**, связанного с письмом трех десятков российских знаменитостей, где те жаловались президенту на распоясавшихся папарацци. Дескать, те лезут в их частную жизнь, буквально не дают им прохода. У многих людей это письмо вызвало недоумение, поскольку: а) капиталистическая система иных отношений между масс-медиа и «звездами» не предполагает и б) практически все подписанты письма активно участвовали в построении этого самого капитализма, внедряли его в массы и широко пропагандировали. Это они, еще совсем недавно считавшиеся «инженерами человеческих душ» и олицетворявшие для большинства населения огромной страны образец высокодуховных и нравственных людей, в мгновение ока превратились в их полную противоположность – в алчущих дешевой славы и легких «бабок» артистов, вся слава которых зиждется уже не на моральных принципах, а исключительно на громких скандалах. И то племя ушлых папарацци, которое сегодня имеет российское общество, взрастили именно они – бывшие «инженеры человеческих душ». Не все, конечно, но подавляющая их часть точно.

Между тем после этого письма стало окончательно понятно то, что отличало советское общество от нынешнего. Долгие десятилетия в СССР культивировалось особое отношение к артистам как к носителям высокой нравственности и духовности. И хотя многие из артистов в обычной жизни этих принципов не всегда придерживались, советские масс-медиа искусственно поддерживали в обществе авторитет актерской профессии, публикуя в основном исключительно положительные материалы о ней. Поэтому общественный имидж артистов в Советском Союзе был очень высок: например, даже в криминальном мире существовало негласное правило артистов не обижать. И правило это соблюдалось долгие десятилетия, о чем есть множество примеров, в которых фигурируют имена самых разных представителей актерской братии.

В русле этих же тенденций развивалась и советская скандальная журналистика. Практически все ее публикации преследовали одну цель – воспитание высокой морали в обществе. На примере знаменитых людей, в той или иной мере не сумевших совладать со своими тайными страстями и пороками и вследствие этого угодивших в разного рода скандальные истории, власть учила общество отличать нравственность от безнравственности. А самих именитых участников скандалов власти предрекавшие опускали с небес на грешную землю, давая ясно понять, что славу нужно завоевывать годами, а потерять можно в одночасье. Стоит отметить, что «опускание» кумиров нации происходило гуманно: за редким исключением критике подвергались не самые одиозные их грехопадения (например, одного известного барда в СМИ критиковали исключительно за его остросоциальные песни, но ни разу власть не ударила по другим его уязвимым местам вроде алкоголизма или наркомании). То есть «желтизна» советского агитпропа имела свои пределы, которые не позволяли нации кардинально разочароваться в своих кумирах. В итоге, несмотря на то что на этом поприще у власти не всегда и все получалось, однако в общем и целом такая установка приносила свои плоды: кумиры нации служили для общества такими маяками нравственности.

Эта система обрушилась вместе с Советским Союзом в конце **1991 года**, после чего новая власть, в пику старой, взяла курс на пропаганду аморальности во всех ее проявлениях. С этого момента самым ходовым товаром стал скандал, а самыми главными его разносчиками стали люди из разряда медийных (актеры, писатели, спортсмены, политики и т. д.). Скандал быстро

раскрепостил общество в моральном и духовном планах, опустив его на сто ступеней вниз против прежнего. Своего пика это «опускание» достигло в **2007 году**, когда целая группа именитых людей из артистической богемы написала упоминаемое выше письмо президенту страны с тем, чтобы он обуздал папарацци. В этом письме со всей наглядностью отразилось то смятение, в котором оказалась нынешняя российская артистическая богема, которая сама не знает, чего хочет. Отрешившись от социализма и зная истинную цену большинства «инженеров человеческих душ», власть искусственно поддерживала в обществе их высокий статус носителей высших моральных ценностей. Теперь, при нынешней капиталистической системе, кумиры нации стали некими клоунами, которых все пользуют так, как им хочется: богатые дяди из власти и бизнеса заказывают их к себе на тусовки, а папарацци «куют деньгу», смакуя скандалы с их участием. Письмо показало, что артисты к такому положению еще не привыкли. Но это дело времени, поскольку выбор невелик: либо жить, как есть, либо... возвращаться обратно в социализм.

1923

В прицеле – основатель МХАТ (Константин Станиславский)

Времена нэпа (**1921–1929**) чем-то напоминают нашу нынешнюю российскую действительность: та же погоня за «золотым тельцом», та же пропасть между богатыми и бедными и та же «желтизна» большинства средств массовой информации в выражении своих чувств и мыслей. В итоге свобода слова очень часто становилась не инструментом конструктивной критики, а средством для сведения личных счетов. Причем никаких авторитетов в этом деле не существовало. В конце **1923 года** такой жертвой стал великий реформатор театра Константин Сергеевич Станиславский.

В те годы лишь незначительная часть театралов продолжала уважать Мастера и ценить его вклад не только в российское, но и мировое театральное искусство, а большинство откровенно издевалось над ним и презирало. Это большинство считало Станиславского «пережитком царской России» и требовало «сбросить его с корабля истории». Даже бывший мхатовец Всеволод Мейерхольд, который в советской России дорос до поста начальника театрального отдела Наркомпроса, во всеуслышание заявил, что «Московский Художественный театр – это эстетический хлам». Мейерхольд призывал бороться с академическими театрами и создавать новое искусство – авангардное, экспериментаторское. Естественно, в подобном искусстве таким реформаторам, как Константин Станиславский, места просто не было. По сути, это была борьба не против Станиславского, а против **русского** традиционализма, которую вели большевики-космополиты в лице наркома просвещения А. Луначарского, того же В. Мейерхольда и т. д.

Одна из первых атак на великого театрального реформатора случилась осенью **1923 года**, причем по своим методам она зеркально напоминает сегодняшние российские реалии: главным двигателем скандала была откровенная подтасовка фактов и злонамеренная ложь. А главным разносчиком всего этого оказался сатирический журнал «Крокодил», где была помещена обидная карикатура на Станиславского, которая подавала его как зарвавшегося буржуя, ненавидящего рабочий класс. Надпись под карикатурой гласила: «Режиссер Московского Художественного театра К. С. Станиславский заявил американским журналистам: „Какой это был ужас, когда рабочие врывались в театр в грязной одежде, непричесанные, неумытые, в грязных сапогах, требуя играть революционные вещи“».

Поскольку сам Станиславский заступиться за себя тогда не мог – он находился в служебной командировке в Америке, – это дело взял на себя его ближайший сподвижник и друг Владимир Немирович-Данченко. А рупором в его руках стала главная газета страны – «Правда», руководство которой относилось к Станиславскому с уважением. **24 ноября** там было опубликовано письмо В. Немировича-Данченко, в котором сообщалось:

«Мне доставлена от ЦК Всерабиса вырезка из журнала „Крокодил“ с карикатурой на К. С. Станиславского... Источник цитаты (под карикатурой. – *Ф. Р.*) не указан. На запрос наш редакция «Крокодила» сослалась на анонимную заметку в «Вечерних Известиях» от **10 ноября**, под заглавием «Наши за границей». В свою очередь «Вечерние Известия» указали нам «какие-то» (точно они не могут установить) NN «Накануне» и одной из одесских газет.

Подобная неопределенность в таком чрезвычайно важном для Художественного театра вопросе заставила меня обратиться к самому К. С. Станиславскому, не знает ли он источника этой грязной клеветы. Станиславский отвечает мне из Нью-Йорка следующей телеграммой:

«Сообщение о моем американском интервью ложно от первых до последних слов. Неоднократно при сотнях свидетелей говорил как раз обратное о новом зрителе, хвастал, гордился его чуткостью, приводил пример философской трагедии „Каин“, прекрасно воспринятой новой публикой. Думал, что сорокалетняя деятельность моя и моя давнишняя мечта о народном театре гарантируют меня от оскорбительных подозрений. Глубоко обижен, душевно скорблю. Станиславский».

Надеюсь, что издания, напечатав клевету, дадут место и настоящему опровержению, не заставляя нас требовать этого судом».

Отметим, что нападки на К. Станиславского продолжались в течение нескольких лет, что вполне объяснимо: большевики-космополиты (вроде того же В. Мейерхольда) в те годы были в фаворе и часто диктовали свои законы практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Однако Станиславский продолжал гнуть свою линию и ни на йоту не отходил от своего «академизма», понимая, что мода на разного рода экспериментаторство погубит народное социалистическое искусство. Поэтому все его тогдашние постановки классики – «Горячее сердце» (1926), «Женитьба Фигаро» (1927) и др. – были откровенным вызовом «мейерхольдовщине» с ее фактическим надруганием над русской и зарубежной классикой.

Это противостояние закончится в середине 30-х, когда высшее партийное руководство страны возьмет курс на возрождение русского патриотизма и официально объявит «академизм» и «традиционализм» К. Станиславского государственно угодными делами. В 1936 году Мастеру будет присвоено звание народного артиста СССР. Спустя два года К. С. Станиславский скончается, однако его дело продолжат ученики. Длиться это будет ровно полвека, после чего в стране грянет горбачевская перестройка и новые большевики-космополиты, последователи Луначарских и Мейерхольдов, сумеют взять реванш. Впрочем, об этом речь пойдет в завершающих главах этой книги.

Дело четырех поэтов (Сергей Есенин)

Еще одной жертвой большевиков-космополитов в 20-е годы оказался другой известный человек – поэт Сергей Есенин. Оппоненты объявили его апологетом «царской крестьянской России», «певцом кулачества» и «попутчиком социализма». Поскольку большинство этих оппонентов составляли лица еврейской национальности, противостояние Есенина с ними часто приобретало антисемитские черты. Один из самых громких скандалов подобного рода, связанных с именем поэта, случился осенью **1923 года**. Вот как это выглядело в изложении газеты «Рабочая Москва», на страницах которой была опубликована статья «Что у трезвого „попутчика“ на уме...» (номер от **22 ноября**):

«Во вторник (20 ноября. – *Ф. Р.*) вечером под председательством В. Брюсова состоялось торжественное заседание, посвященное пятилетию Всероссийского союза поэтов. После официальной части в клубе союза состоялась вечеринка.

Почему на этой вечеринке не были поэты: П. Орешин, С. Есенин, С. Клычков и Ганин? Это ясно из нижеследующего.

Около 10 часов вечера Демьяну Бедному на квартиру позвонил по телефону Есенин и стал просить заступничества. Дело оказалось в том, что четыре вышеназванных поэта находились в 47-м отделении милиции.

На вопрос Демьяна Бедного, почему же они не на своем юбилее, Есенин стал объяснять:

– Понимаете, дорогие товарищи, по случаю праздника своего мы тут зашли в пивнушку. Ну, конечно, выпили. Стали говорить о жидях. Вы же понимаете, дорогой товарищ, куда ни кинь – везде жиды. И в литературе все жиды. А тут подошел какой-то тип и привязался. Вызвали милиционеров, и вот мы попали в милицию.

Демьян Бедный сказал:

– Да, дело нехорошее!

На что Есенин ответил:

– Какое уж тут хорошее, когда один жид четырех русских ведет.

Прервав на этом разговор с Есениным, тов. Демьян Бедный дежурному комиссару по милиции и лицу, записавшему вышеназванных «русских людей», заявил:

– Я таким прохвостам не заступник.

Как нам стало известно, вышеозначенные юбиляры, переночевав ночь в милиции, были препровождены затем в ГПУ для допроса. Делу будет дан судебный ход.

Так кончился пир бедою. А мы получили удовольствие узнать подлинные мысли четырех «попутчиков», ибо, что у трезвого «попутчика» на уме, то у пьяных Есениных и Орешинных на языке.

Нашим читателям рабочим и особенно пролетарским поэтам надлежит отсюда сделать соответствующие выводы, а редакциям, страницы коих украшаются великолепными произведениями вышеназванных юбиляров, мы подсказывать, что им делать, не будем: они, надеемся, сами решат этот вопрос».

Два дня спустя по четверем поэтам ударило еще одно издание – «Рабочая газета». Там появилась статья Л. Сосновского «Испорченный праздник», где со всеми подробностями был описан дебош в пивной, устроенный Есениным и его приятелями. Понимая, что кампания против них набирает обороты, поэты бросились защищаться. **30 ноября** их открытое письмо появилось в «Правде». В нем сообщалось:

«Ввиду появившихся статей в „Рабочей газете“ и в „Рабочей Москве“ мы просим напечатать следующее наше заявление.

Всякие возражения и оправдания, впредь до разбора дела третьей инстанцией, считаем бесполезными и преждевременными.

Дело передано в Центральное бюро секции рабочей печати.

Петр Орешин, Сергей Клычков, А. Ганин, С. Есенин».

Далее сообщалось: «ЦБ постановило поручить рассмотрение дела товарищескому суду в составе тт. К. Новицкого, П. Керженцева, В. Плетнева, А. Аросева и Ив. Касаткина. Председателем назначен тов. К. Новицкий».

12 декабря та же «Правда» опубликовала следующее сообщение:

«В понедельник, **10 декабря**, в Доме печати под председательством тов. Новицкого состоялся товарищеский суд по делу 4 поэтов: С. Есенина, Орешина, С. Клычкова и Ганина, обвиненных тов. Л. Сосновским в «Рабочей газете» в черносотенных антисемитских выходках. Докладчиком по делу выступал тов. Керженцев.

В длинном заседании, продолжавшемся с 8 часов вечера до 3 часов ночи, суд заслушал показания обвиняемых и многочисленных свидетелей, которые коснулись не только инцидента в пивной, послужившего для тов. Сосновского материалом для обвинения поэтов, но также и всей предыдущей работы обвиняемых поэтов за время революции.

Со свидетельскими показаниями выступили тт.: Демьян Бедный, Н. И. Смирнов, Б. Волин (ответственный редактор «Рабочей Москвы». — *Ф. Р.*) В. Львов-Рогачевский, А. М. Эфрос, Андрей Соболев, А. Мариенгоф, М. Герасимов, В. Кириллов и др. Тов. Сосновский указал, что в инциденте с поэтами он усматривает доказательство того, что в современных литературских кругах по-прежнему господствуют «купринские нравы», унаследованные от эпохи «Вены». Суд должен произнести веское слово для осуждения этой разнузданности и антисемитизма, хотя бы последний и не носил программного характера.

Поэтов защищал тов. Вяч. Полонский. Он доказывал, что тов. Сосновский преувеличил значение этого эпизода, сущность которого заключается в пьяном дебоше. Подсудимых можно судить только за пьянство и дебош, а обвинение в антисемитизме как недоказанное должно быть снято.

В заключительном слове, так же как и в своих первоначальных показаниях, поэты отвергли обвинение в антисемитизме и говорили о своей работе для революции с самого ее начала.

В третьем часу ночи тов. Новицкий объявил, что суд вынесет свое мнение по делу в четверг, **13 декабря**, вечером».

16 декабря «Правда» поставила точку в этом скандале, опубликовав его развязку. Газета сообщила, что товарищеский суд вынес вердикт, из которого следовало, что «поведение четырех поэтов носило характер антиобщественного дебоша, что в милиции и на улице поэты позволили себе выходки антисемитского характера. За что поэтам было объявлено общественное порицание.

Тов. Сосновский изложил инцидент с 4 поэтами («Рабочая газета» № 264 «Испорченный праздник») на основании недостаточных данных и не имел права использовать этот случай для нападок на некоторые из существующих литературных группировок.

Инцидент ликвидируется настоящим постановлением и не должен служить в дальнейшем поводом или аргументом для сведения счетов, и поэты Есенин, Орешин, Клычков и Ганин, ставшие в советские ряды в тяжелый период революции, должны иметь полную возможность по-прежнему продолжать свою литературную работу.

Означенный приговор вынесен судом единогласно».

1930

«Земля» не для бедного (Александр Довженко)

Классик советского и мирового кинематографа Александр Довженко на протяжении своего долгого творческого пути (а он проработал в кино более 30 лет) неоднократно подвергался критике на страницах прессы. Один из первых громких скандалов с его именем случился на заре его творчества – в **1930 году**, когда Довженко снял фильм «Земля», посвященный колхозному крестьянству. Обращение его к этой теме было не случайным. В то время в стране проводилась массовая коллективизация, и многие деятели советского искусства бросились отображать в своих произведениях эту кампанию. Однако если большинство из них стремились создавать достаточно простые и доходчивые произведения, то Довженко создал серьезную кинопоэму, где многое было новаторским: и язык киноповествования, и сама «картинка», в которой присутствовали беспрецедентные для советского кинематографа кадры с обнаженным женским телом. Все это и стало поводом к тому, что «Земля» подверглась весьма суровой критике в советских СМИ.

Наиболее яростным противником фильма оказался известный поэт Демьян Бедный, который напечатал в газете «Известия» (номер от **4 апреля 1930 года**) огромный фельетон под названием «Философы». Под последними автор имел в виду тех деятелей советского искусства (в их число входил и А. Довженко), кто вместо доступных простому народу произведений создает заумные творения, да еще напичканные вредной идеологией. Особенно сильно возмутил поэта эпизод с эротикой – метаниями обнаженной невесты в пустой избе. Повторюсь, что для советского кино подобные сцены были в диковинку и вызывали у большинства зрителей настоящий шок. В устах Бедного суровые оценки по адресу данного эпизода выглядели следующим образом:

...Особливо хороша исступленная
Девушка оголенная.
Вот где показ, так показ!
В самый раз!
В настоящую точку!
Содрали с девушки сорочку
Всенародно, публично!
Это что ж? Не цинично?
Это что же? Терпимо?
В театре на сцене недопустимо?
А допустимо в кино?
Это – умно?
Это – НЕОБХОДИМО?
У нас ссылались не раз и не два
На ленинские слова:
«Из всех искусств для нас важнейшим
является кино».
И главного в этих словах не заметили,
Основного не сместили:

Не важнейшее само по себе,
А ДЛЯ НАС, в нашей острой борьбе
Наших врагов НЕ ЖАЛЕЮЩЕЕ,
Боевое, ударное средство,
А НЕ САМОДОВЛЕЮЩЕЕ
КИНОЭСТЕТИЗМ!
Продвинуть здоровое кино в массы в городе,
А еще более того в деревне.
Так Лениным сказано.
А в картине ЗДОРОВОЕ что нам показано?
Эта псевдоземля,
Девуцу для всех оголя,
Показав нам лицо напряженное,
Буйной похотью зло искаженное,
А не юное, резвое,
Целомудренно-резвое,
Деловито-суровое,
Это что же, явление ЗДОРОВОЕ?
И неужто мы эти ПОЛОВЫЕ ГРИМАСЫ
Будем гнать, «продвигать» в пролетарские массы?
Ну а если картина дойдет до села,
Не прибавится ль силы в кулацких угрозах:
– Братцы, видите? Девочек и баб до гола
Коммунисты разденут в безбожных колхозах!
Нет у них, коммунистов проклятых, стыда! —
Вот мы с голой девушкой воспрянем куда!..

Разгуделися киношмели,
Рекламой кричат неослабной
В честь кинокартины «ЗЕМЛИ»
Контрреволюционно-похабной!
Вот до чего мы дошли!..

Эта публикация вызвала шок у Довженко. По его же словам: «Я был так подавлен этим фельетоном, мне было так стыдно ходить по улицам Москвы, что я буквально поседел и постарел за несколько дней. Это была настоящая психическая травма. Я даже хотел умереть...»

После фельетона режиссера заставили купировать картину, и в корзину полетели два эпизода: у трактора и сцена в хате невесты (та самая «обнаженка»). И только после этого фильм вышел в прокат. Публика шла на него неохотно, поскольку к массовому кинематографу этот шедевр никакого отношения не имел. А вот за рубежом картина была названа гениальной. Спустя 28 лет на Брюссельском кинофестивале в результате международного опроса критиков, проведенного Бюро истории кинематографии, «Земля» войдет в число 12 лучших фильмов всех времен и народов. Кстати, и Демьян Бедный потом изменит свое мнение об этом фильме. Как гласит легенда, в середине 50-х он встретит Довженко в больнице и честно признается: «Ни до, ни после я такой картины уже не видел. Что это было за создание истинно великого искусства!»

1935

Не веселые против веселых («Веселые ребята»)

Этот фильм Григория Александрова уже давно признан классикой советского кинематографа. Однако на момент выхода ленты на экраны страны (поздняя осень **1934 года**) у него имелась масса противников из числа высоколобой аудитории, которая видела в нем все что угодно, но только не шедевр. Такого количества отрицательных рецензий, обрушившихся на «Веселых ребят» в советской прессе, не знал до этого ни один тогдашний фильм. Причем эти претензии росли, словно снежный ком, по мере того как фильм завоевывал все больше сторонников среди простого народа, а также за рубежом. Например, на Международной киновыставке в Венеции в **1934 году** картина была удостоена сразу двух призов: за режиссуру и музыку. Не остались обделенными по части наград и создатели ленты: в частности, Григорий Александров был удостоен боевого ордена Красной Звезды, как писали газеты, «за храбрость в победе над трудностями кинокомедии».

В чем же обвиняли картину ее хулители? Главная их претензия: мол, это кино подражает второсортным голливудским джаз-ревю, которых режиссер Александров насмотрелся в Америке (он был там в **1929–1930 годах**). Среди других обвинений, звучащих в адрес фильма, были и такие: пошлость (дескать, шутки фильма пахнут дурным вкусом), бездушие (дескать, на съемках мучили животных), плагиат (дескать, композитор Исаак Дунаевский передрал музыку у мексиканцев). В авангарде этой кампании выступала «Литературная газета» – средоточие в те годы самой высоколобой и эстетской публики. Чтобы нынешнему читателю стала понятна суть претензий к фильму, сошлюсь на публикацию «ЛГ» от **28 февраля 1935 года**. Известный поэт Александр Безыменский в заметке с хлестким названием «Караул! Грабят!» писал следующее:

«Какой ужас! На экране демонстрируют фильм „Вива Вилья“ (эта демонстрация проходила в рамках I Московского Международного кинофестиваля. – *Ф. Р.*), проходят трагические кадры восстания пеонов, а публика фестиваля смеется! Шумит, проклятая! Аплодирует, гадюка!

Что? Как? Почему?

Я не смеялся. Я не шумел. Я не аплодировал в этот миг. Передо мной совершалось преступление. Необычайное. Титаническое. Сердце камнем. Руки врозь. Волосы дыбом.

Караул! Грабят!

Мексиканские крестьяне... пели марш из «Веселых ребят».

До смеху ли тут?

Не успели оркестранты коллектива «Дружба» податься как следует, а песню американцы уже сперли.

Не успел режиссер выдумать еще одной теории необязательности здравого смысла в комедиях, а песню уже стащили, сбондили, слямзили, словчили.

Тов. Дунаевский! Тов. Александров! Почему же вы спите? Единственное, что есть хорошего в вашем плохом фильме, это – музыка. А ее похитили...

Восстаньте!

Забудем, что шествие пастуха Кости в «Веселых ребятах» более чем напоминает вступительную панораму из фильма «Конгресс танцует», что в картине «Воинственные скворцы»

тоже стреляют из лука чем-то похожим на кларнет, что очень многие буржуазные ревю в кино «похожи».

Это все мелочи.

Музыку похитили. Протестуйте! Единственную ценность стянули. Боритесь!

Некоторые шутники утверждают, что это ВВІ сперли музыку из «Вива Вилья». Говорят даже, будто т. Александров, побывав за границей и, в частности, в Мексике (имея к тому же недурной музыкальный слух), напел кое-что т. Дунаевскому, в результате чего появилась музыка марша.

Я против «Веселых ребят». Но что касается музыки в этом фильме – я заинтересован не менее, чем вы.

Я волнуюсь.

Я нервничаю.

А что если шутники правы?»

В той кампании против «Литературки» и ряда других газет, нападавших на фильм, выступили только два газетных издания: «Комсомольская правда» и «Кино». Между тем у хулителей картины сторонников было куда больше, включая и зарубежных (например, ряд французских изданий, которые тоже раскритиковали «Веселых ребят» в пух и прах). Та же «Литературная газета» в начале того же 35-го писала:

«Создав дикую помесь пастушеской пасторали с американским боевиком, авторы думали, что честно выполняли социальный заказ на смех. А ведь это, товарищи, издевательство над зрителем, над искусством... И на страницах газеты (намек на „Комсомольскую правду“. – *Ф. Р.*) рядом с пахнущими порохом и кровью заметками международной информации, рядом с сообщениями ТАСС, заставляющими вечерком достать из дальнего ящика наган и заново его перечистить и смазать, щебечут лирические птички...»

Отметим, что очень скоро (через 7 лет) этот наган пригодится всему советскому народу, когда фашистские полчища вторгнутся на территорию СССР. Однако вместе с наганом народу понадобятся и «Веселые ребята», которые на фронте и в тылу станут одним из самых любимых зрелищ, помогающих людям не только на полтора часа забыть об ужасах войны, но и вдохновляющих их на подвиг во имя своей Родины.

Кстати, психотерапевтическую и идеологическую начинку этого фильма раньше всех понял Сталин. Он с первого же просмотра «Веселых ребят» настолько влюбился в них, что потом смотрел ленту еще несколько раз. Во время одного из таких просмотров он с восхищением произнес: «Вот здорово продумано. А у нас мудрят и ищут нового в мрачных „восстановлениях“, „перековках“. Я не против художественной разработки этих проблем. Наоборот. Но дайте так, чтобы было радостно, бодро и весело... Картина эта дает возможность интересно, занимательно отдохнуть. Испытали такое ощущение – точно после выходного дня. Первый раз я испытываю такое ощущение от просмотра наших фильмов, среди которых были весьма хорошие».

Именно Сталин дал команду идеологам «закруглить» дискуссию вокруг «Веселых ребят». В итоге **12 марта 1935 года** на страницах главной газеты страны «Правда» появилась весьма благожелательная заметка о фильме, ставящая целью примирить его сторонников и хулителей. В ней отмечалось, что «Веселые ребята» – это первый крупный шаг в «попытке широко использовать американское мастерство веселого трюка», что «картина не свободна от недостатков», и в первую очередь «из-за отсутствия сюжета», что, «несмотря на талант постановщика, несмотря на превосходную игру артистки Орловой и мастерство оператора Нильсена, трюк наглядно обнаружил свои сильные и слабые стороны», что «мюзик-холл на экране – веселое и занятное зрелище, но надо давать его в меру».

1936

«Сумбур вместо музыки» (Дмитрий Шостакович)

В середине 30-х, когда советские руководители взяли курс на возрождение русского патриотизма, любое авангардное экспериментаторство в области искусства было признано чуждым социализму. Тогда считалось, что в рабоче-крестьянской стране искусство должно проповедовать высокую духовность в доступных большинству населения формах, а любое оригинальничанье приносит только вред: как идеологический (поскольку непонятно простому народу и раздражает его), так и материальный (ненужный расход денег). Под каток подобной критики в те годы угодили многие известные люди: тот же Александр Довженко, о котором речь уже шла выше. Спустя несколько лет подобную судьбу разделил и выдающийся советский композитор Дмитрий Шостакович. В газете «Правда» от **28 января 1936 года** была опубликована статья без подписи под названием «Сумбур вместо музыки. Об опере „Леди Макбет Мценского уезда“. Вот ее полный текст:

«Вместе с общим культурным ростом в нашей стране выросла и потребность в хорошей музыке. Никогда и нигде композиторы не имели перед собой такой благодарной аудитории. Народные массы ждут хороших песен, но также и хороших инструментальных произведений, хороших опер.

Некоторые театры как новинку, как достижение преподносят новой, выросшей культурно советской публике оперу Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Услужливая музыкальная критика превозносит до небес оперу, создает ей громкую славу. Молодой композитор вместо деловой и серьезной критики, которая могла бы помочь ему в дальнейшей работе, выслушивает только восторженные комплименты.

Слушателя с первой же минуты ошарашивает в опере нарочито нестройный сумбурный поток звуков. Обрывки мелодии, зачатки музыкальной фразы тонут, вырываются, снова исчезают в грохоте, скрежете и визге. Следить за этой «музыкой» трудно, запомнить ее невозможно.

Так в течение почти всей оперы. На сцене пение заменено криком. Если композитору случается попасть на дорожку простой и понятной мелодии, то он немедленно, словно испугавшись такой беды, бросается в дебри музыкального сумбура, местами превращающегося в какофонию. Выразительность, которую требует слушатель, заменена бешеным ритмом. Музыкальный шум должен выразить страсть.

Это все не от бездарности композитора, не от его неумения в музыке выразить простые и сильные чувства. Это музыка, умышленно сделанная «шиворот навыворот», – так, чтобы ничего не напоминало классическую оперную музыку, ничего не было общего с симфоническими звучаниями, с простой, общедоступной музыкальной речью. Это музыка, которая построена по тому же принципу отрицания оперы, по какому левацкое искусство вообще отрицает в театре простоту, реализм, понятность образа, естественное звучание слова. Это – перенесение в оперу, в музыку наиболее отрицательных черт «мейерхольдовщины» в умноженном виде. Это левацкий сумбур вместо естественной, человеческой музыки. Способность хорошей музыки захватывать массы приносится в жертву мелкобуржуазным формалистическим потугам, претензиям создать оригинальность приемами дешевого оригинальничанья. Это игра в заумные вещи, которая может кончиться очень плохо.

Опасность такого направления в советской музыке ясна. Левацкое уродство в опере берет из того же источника, что и левацкое уродство в живописи, в поэзии, в педагогике, в науке.

Мелкобуржуазное «новаторство» ведет к отрыву от подлинного искусства, от подлинной науки, от подлинной литературы.

Автору «Леди Макбет Мценского уезда» пришлось заимствовать у джаза его нервную, судорожную, припадочную музыку, чтобы придать «страсть» своим героям.

В то время как наша критика – в том числе и музыкальная – клянется именем социалистического реализма, сцена преподносит нам в творении Шостаковича грубейший натурализм. Однотонно, в зверином облики представлены все – и купцы, и народ. Хищница – купчиха, дорвавшаяся путем убийств к богатству и власти, представлена в виде какой-то «жертвы» буржуазного общества. Бытовой повести Лескова навязан смысл, какого в ней нет.

И все это грубо, примитивно, вульгарно. Музыка крикает, ухает, пыхтит, задыхается, чтобы как можно натуралистичнее изобразить любовные сцены. И «любовь» размазана во всей опере в самой вульгарной форме. Купеческая двуспальная кровать занимает центральное место в оформлении. На ней разрешаются все «проблемы». В таком же грубонатуралистическом стиле показана смерть от отравления, сечение почти на самой сцене.

Композитор, видимо, не поставил перед собой задачи прислушаться к тому, чего ждет, чего ищет в музыке советская аудитория. Он словно нарочно зашифровал свою музыку, перепутал все звучание в ней так, чтобы дошла его музыка только до потерявших здоровый вкус эстетов-формалистов. Он прошел мимо требований советской культуры изгнать грубость и дикость из всех углов советского быта. Это воспевание купеческой похотливости некоторые критики называют сатирой. Ни о какой сатире здесь и речи не может быть. Всеми средствами и музыкальной, и драматической выразительности автор старается привлечь симпатии публики к грубым и вульгарным стремлениям и поступкам купчихи Екатерины Измайловой.

«Леди Макбет» имеет успех у буржуазной публики за границей. Не потому ли похваливает ее буржуазная публика, что опера эта сумбурна и абсолютно аполитична? Не потому ли, что она щекочет извращенные вкусы буржуазной аудитории своей дергающейся, крикливой, неврастенической музыкой?

Наши театры приложили немало труда, чтобы тщательно поставить оперу Шостаковича. Актеры обнаружили значительный талант в преодолении шума и скрежета оркестра. Драматической игрой они старались возместить мелодийное убожество оперы. К сожалению, от этого еще ярче выступили ее грубонатуралистические черты. Талантливая игра заслуживает признательности, затраченные усилия – сожаления».

После этой статьи опера, которая в течение двух лет шла на сцене Ленинградского Малого оперного театра, была снята с репертуара. Сразу за этим Шостакович вынужден был отменить и премьеру своей Четвертой симфонии.

Как гласит легенда, Шостакович в те дни переживал не лучшие свои дни, опасаясь возможного ареста. Ведь в том же **1936 году**, когда композитор приехал в Киев, одна местная газета так и написала: «В наш город приехал известный враг народа композитор Шостакович». В конце 30-х годов были репрессированы некоторые из тех людей, с кем у композитора были не только родственные отношения (была арестована его теща, муж старшей сестры расстрелян, а сама сестра выслана), но и приятельские – например, он был очень дружен с маршалом Михаилом Тухачевским, которого в **июне 1937 года** расстреляли как немецкого шпиона. Однако самого Шостаковича не тронули, в чем, видимо, немалая заслуга все того же Сталина, который прекрасно видел величину таланта выдающегося композитора.

Несчастливый тринадцатый (Николай Крючков)

В начале **1936 года** режиссер Михаил Ромм приступил к съемкам фильма «Тринадцать». Картина была о советских пограничниках, которые вступили в неравный бой с бандой басмачей в пустыне Каракумы. Роль командира отряда пограничников досталась в этом фильме актеру Николаю Крючкову, с которым Ромм познакомился через свою будущую жену Елену Кузьмину – она была партнершей Крюčkова в двух фильмах Бориса Барнета. Снявшись в «Тринадцати», который с выходом на экраны в **1937 году** стал самым кассовым фильмом сезона, Крючков вполне мог прославиться на несколько лет раньше (широкая слава придет к нему в 39-м после выхода «Трактористов»). Однако этого не произошло, и виноват был в этом сам актер. Что же произошло? Об этом рассказывает помощник оператора фильма Эра Савельева:

«Страшнее желудочной инфекции на съемках „Тринадцати“ оказалась опасность „зеленого змия“. Объявили первый съемочный день (**13 апреля 1936 года**). Для всей группы этот день был праздником. Люди вышли с утра в торжественном настроении. А актера, игравшего роль командира отряда, – нет. Кинулись искать. Выяснилось, что он «не в форме». Играть не может. И так несколько раз. И дело было не только в нем. Актер этот уже был видной и влиятельной фигурой в кинематографическом мире. Молодежь начала ему подражать. Появилась угроза, что коллектив может распасться.

И вот тут Ромм проявил удивительную волю и энергию организатора. Он выстроил всю группу в ряд. Сам встал перед нами, какой-то особенно подтянутый, строгий, собранный. Несвойственным ему обычно тоном он «отдал приказ» об откомандировании бойца такого-то в Москву за нарушение воинской дисциплины. Ромм занял правильную позицию и вовремя принял единственно верное решение, от которого зависела судьба всей нашей работы. После этого установился порядок: актеры всегда выходили на съемку в форме и вовремя. Каждый думал: раз уж с «этим» он так поступил и не побоялся, то что же будет с нами, еще не такими известными.

Так и получилось, что в фильме бойцов в отряде осталось двенадцать. Но это незаметно. Ведь никто же не будет считать до тринадцати на экране, даже когда отряд выстраивается в цепочку».

1938

«Звезды» с норовом (Лидия Русланова и Любовь Орлова)

В Советском Союзе не было той системы «звезд», которая существовала на Западе. Советские власти не стремились как-то обособить кумиров от простого народа, а даже, наоборот, всячески подчеркивали, что те являются неотъемлемой частью этого самого народа. Поэтому, не жалея средств для «раскрутки» кумиров, власть в то же время пресекала любую попытку со стороны последних поставить себя выше общества. При этом не имела никакого значения степень популярности кумиров – «вкручиванию мозгов» подвергались даже любимцы самих кремлевских вождей. Чтобы читателю было понятно, о чем идет речь, приведу два примера, датированных **1938 годом**, когда под огонь критики угодили две самые раскрученные «звезды» того времени: певица Лидия Русланова и киноактриса Любовь Орлова (последняя была любимицей самого Сталина). Начнем с первой.

В газете «Советское искусство» от **16 января** была помещена статья без подписи под названием «Эстрадные нравы». Приведу ее полностью:

«Артист обязан уважать аудиторию, перед которой он выступает. Эту азбучную истину все еще не могут понять некоторые артисты эстрады.

Певица Л. А. Русланова должна была участвовать в концерте, организованном Мосэстрадой для стахановцев и ударников Первомайского района Москвы.

Русланова обещала быть в 9 1 / 2 час., чтобы выступить в концерте первого отделения. Но она опоздала и приехала лишь к 10 1 / 2 часам. Первое отделение давно закончилось, и началось второе. Русланова потребовала, чтобы ее немедленно выпустили на сцену. Когда ей указали, что это невозможно, Русланова принялась нецензурно браниться. Администрация попыталась усовестить разгневанную певицу:

– Вас будут слушать лучшие люди района, члены райкома, стахановцы.

В ответ на это Русланова позволила себе хулиганскую выходку по адресу аудитории концерта. (Очевидцы утверждали, что певица, большая матерщинница, выразилась по адресу собравшихся в зале весьма недвусмысленно: мол, идите вы со своими стахановцами... – *Ф. Р.*)

Администратор все же настоял на своем, заявив, что выпустит Русланову последним номером второго отделения.

– А, так! Вы мне срываете мои концерты, так я вам сорву ваш, – заявила разгневанная певица.

И, вымещая на аудитории свое раздражение против администратора, Русланова вышла на сцену с хмурым лицом, не стараясь скрывать своего дурного настроения, небрежно спела две песни и величественно удалилась.

– Допустимо ли такое поведение артиста на советской эстраде? – справедливо возмущаются устроители концерта в своем письме в Комитет по делам искусств».

Статья возымела действие: после нее певицу временно отстранили от гастролей, и в этом статусе она пробыла в течение нескольких месяцев. Затем она была прощена, и больше подобного рода скандалов с ней не происходило (во всяком случае в прессе об этом ничего не сообщалось). Правда, в **1948 году** Л. Русланова оказалась замешана в другом скандале и даже была отправлена за решетку, но там вся подоплека случившегося упиралась в политику, а это уже совсем иная история.

Что касается скандала с киноактрисой Любовью Орловой, то он имел под собой меркантильную основу. Вынесение его на всеобщее обозрение поразило даже выдавших виды людей, поскольку многие были прекрасно осведомлены, что эта актриса является любимицей самого Сталина. Особенно нравилось вождю исполнение Орловой роли почтальона Стрелки в комедии «Волга-Волга». Вот как об этом вспоминает режиссер-постановщик фильма и супруг Орловой Г. Александров:

«Однажды по окончании приема в Георгиевском зале Кремля в честь участников декады украинского искусства И. В. Сталин пригласил группу видных деятелей культуры в свой просмотровый зал. Там были Немирович-Данченко, Москвин, Качалов, Корнейчук и многие другие видные деятели искусства. Сталин не первый раз смотрел „Волгу-Волгу“. Он посадил меня рядом с собой. По другую сторону сидел В.И. Немирович-Данченко. По ходу фильма Сталин, делаясь с нами своим знанием комедии, своими чувствами, обращаясь то ко мне, то к Немировичу-Данченко, полупшепотом сообщал: „Сейчас Бывалов скажет: „Примите от этих граждан брак и выдайте им другой“. Произнося это, он смеялся, увлеченный игрой Ильинского, хлопал меня по колену. Не ошибусь, если скажу, что он знал наизусть все смешные реплики этой кинокомедии...“

Однако даже расположение Сталина не спасло Орлову от того, чтобы однажды не оказаться «распятой» на страницах газеты «Советское искусство». Случилось это **в июне 1938 года**. Предшествовали этому следующие события.

Летом того года «звездная» чета решила построить себе дачу во Внукове, а это строительство стоило больших денег. Надо было зарабатывать, причем как можно быстрее. И Орлова нашла выход. В те годы она часто гастролировала по стране с творческими вечерами и решила именно за счет подобных выступлений пополнить свой кошелек. Вот как это выглядело в описании газеты «Советское искусство» (номер от **10 июня 1938 года**, статья без подписи под названием «Недостойное поведение»):

«Л. П. Орлова пользуется широкой популярностью у аудитории, ценящей ее как отличную исполнительницу советских массовых песен. Казалось бы, и звание заслуженной артистки, и эта популярность обязывают Л. П. Орлову к особой щепетильности в денежных вопросах. Однако артистка, видимо, считает возможным по-иному использовать выгоды своего положения.

В мае сего года в Одессе должны были состояться концерты Л. П. Орловой. Трудящиеся Одессы с нетерпением ждали этих выступлений. Однако т. Орлова потребовала от Одесской филармонии оплаты в 3 тысячи рублей за каждый концерт, не считая проездных, суточных и т. д.

Дирекция Одесской филармонии, разумеется, не могла пойти на такие рваческие условия, тем более что, согласно приказу ВКИ № 640, максимальная оплата гастрольных концертов Л. П. Орловой была установлена в 750 рублей.

Л. П. Орлову не удовлетворила позиция, занятая Одесской филармонией, и в обход нормального порядка артистка вошла в соглашение с... месткомом филармонии об организации в Одессе 8 концертов по 3 тысячи рублей за каждый.

Не лишне заметить, что аппетиты Л. П. Орловой не всюду получают должный отпор. Так, например, совсем недавно в Киеве Л. П. Орлова ухитрилась сорвать с Украинского управления по делам искусств по 3300 рублей за каждое свое выступление.

«Своеобразную», мягко говоря, позицию занял в отношении Л. П. Орловой и начальник Одесского управления по делам искусств т. Фишман. Когда директор Одесской филармонии т. Подгорецкий обратился к Фишману за разрешением вопроса о гонораре Л. П. Орловой, т. Фишман не нашел ничего лучшего, как посоветовать Подгорецкому «оформить» концерты Л. П. Орловой совместно с каким-нибудь ансамблем, квинтетом и т. п., словом, как-нибудь прикрыть явно незаконные требования артистки.

К счастью, Подгорецкий нашел в себе мужество отказаться от подобных комбинаций, справедливо квалифицируемых им как жульничество.

Всесоюзный комитет по делам искусств должен заинтересоваться этим возмутительным делом, а Л. П. Орловой надлежит понять, что ее поведение недостойно звания советской артистки».

Этот скандал не имел серьезных последствий для Орловой. В итоге «звездная» чета благополучно достроила свою двухэтажную дачу, а в **1939 году** приступила к съемкам очередного фильма – «Светлый путь». Спустя год «звездная» чета удостоится Сталинской премии.

1939

Скандальная переигровка («Спартак» Москва – «Динамо» Тбилиси)

Футбол в Советском Союзе стал одним из самых популярных видов спорта со второй половины 30-х годов. Связано это было прежде всего с тем, что власть стала проводить в стране державно-патриотическую политику, должную сплотить нацию перед надвигающейся на страну фашистской угрозой. Эта политика сплочения нации проводилась по всем направлениям: в кино ставка делалась на массовые жанры («Чапаев», «Веселые ребята»), в театре – на академизм (в авангарде этого процесса шел МХАТ), в литературе – на социалистический реализм и т. д. Спорту в СССР тоже отводилась важная роль: во-первых, как средству воспитания физически крепких людей, во-вторых – как массовому зрелищу, способствующему сплочению нации. Особенный упор делался на футбол, который буквально за считанные годы стал самым популярным видом спорта в СССР. В итоге с весны **1936 года** стали проводиться регулярные чемпионаты страны, за результатами которых следили миллионы людей.

Между тем в силу своей близости к политике футбол в СССР очень часто становился ее заложником, и разного рода чиновники пытались удовлетворить с его помощью свои политические и околоспортивные интересы. Одну из таких историй мне и хочется вспомнить. А именно: в самом начале **октября 1939 года** в советской футбольной истории произошел беспрецедентный случай, когда столичный «Спартак» заставили переигрывать полуфинальный матч на Кубок СССР. Причем финальный матч был уже сыгран и почетный приз стоял в офисе красно-белых. Однако переигровку оспорить не удалось, поскольку инициатором ее выступил всесильный нарком внутренних дел Лаврентий Берия, который был куратором второй команды, замешанной в этом скандале, – тбилисского «Динамо». Но прежде чем рассказать эту историю, стоит хотя бы вкратце упомянуть о том, как отдельные партийные начальники вмешивались в футбольные дела, вольно или невольно плодя бесчисленные скандалы.

Как уже отмечалось, первое футбольное первенство страны было проведено весной **1936 года**. Победу в нем одержали представители общества «Динамо» (из Москвы), за которым стояло самое грозное ведомство страны – НКВД (общество «Динамо» было создано в **1923 году** по приказу «железного Феликса» – председателя ОГПУ Ф. Э. Дзержинского). Тогдашний нарком внутренних дел Генрих Ягода хотя и не считался фанатиком футбола, однако в силу значимости этого вида спорта для пропаганды советского образа жизни вынужден был уделять ему внимание. Поэтому у «Динамо» были прекрасные базы, под его знамена призывались лучшие спортсмены страны.

Однако в **1935 году** в Советском Союзе возникло еще одно спортивное общество, которое с первых же дней стало главным конкурентом «Динамо» – «Спартак». За этим обществом стояло менее могущественное ведомство – Промкооперация, которое в одиночку вряд ли бы сумело пробить идею о новом спортивном обществе. Но тут на помощь пришел генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Косарев, который считался фаворитом Сталина. Вождь народов высоко ценил организаторские способности Косарева и всячески способствовал его стремительной карьере (в **1934 году** Косарев стал членом ЦК партии и вошел в Оргбюро ЦК). Узнав, что Косарев давно носит с идеей нового спортивного общества, способного противостоять «Динамо», Сталин пошел навстречу своему фавориту. И как ни пыталось НКВД этому помешать (в прессе публиковались разгромные статьи про инициативу Косарева), однако новое спортивное общество все-таки появилось на свет. И достаточно скоро громко заявило о себе.

В весеннем чемпионате-36 два первых места достались динамовцам (из Москвы и Киева), а вот «бронзу» сумел завоевать новичок – «Спартак», чем здорово разозлил кураторов-динамовцев из НКВД. Именно тогда они впервые всерьез осознали, какие блестящие перспективы в будущем имеют представители Промкооперации (энкавэдэшники презрительно называли спартаковцев «пух и перья»). Однако они и представить себе не могли, что к «Спартаку» внезапно станет все больше благоволить до этого лояльный к спорту Сталин. Поэтому как гром среди ясного неба для динамовцев стала новость о том, что именно представителям «пуха и перьев» вождь народов доверил провести физкультурный парад на Красной площади в том же 36-м. Это был серьезный удар по престижу НКВД. Но это было не последнее поражение грозного ведомства. В осеннем первенстве того же 36-го красно-белые смогли утереть нос динамовцам, обогнав их на финише и завоевав свое первое «золото». С этого момента противостояние двух спортивных обществ обрело свои законченные формы.

В 1937 году в СССР для серии товарищеских матчей по футболу приехала сборная Басконии. «Спартак», который стал чемпионом осеннего розыгрыша 1936 года, имел все основания быть включенным в число соперников басков. Но не стал из-за интриг все того же НКВД, которое сумело убедить ЦК ВКП(б), что только обществу «Динамо» по силам тягаться с легендарными басками. В итоге против гостей были выставлены динамовские клубы из Москвы, Киева, Тбилиси, а также сборная Ленинграда (на базе местного «Динамо») и, как довесок, столичный «Локомотив» и команда из Минска. И практически у всех у них баски сумели выиграть, только в Ленинграде матч закончился вничью 2:2.

Когда про эти результаты узнал Сталин, то первое, что он сделал, упрекнул наркома внутренних дел Ежова за идеологическую близорукость. «Если не умеем играть в футбол, то нечего было приглашать к себе сильных басков. Могли бы выбрать кого-нибудь послабее». Ежов, который в те самые дни, когда у нас гостили баски, был занят проблемами куда посерьезнее, чем футбол (именно в июне 37-го прошел суд над военными заговорщиками во главе с М. Тухачевским), был вынужден впрягаться еще и в эту проблему. В Спорткомитет была спущена директива: уговорить басков на две дополнительные встречи и обе обязательно выиграть. Каких трудов стоило спортивным функционерам уговорить басков сыграть еще две дополнительные игры – это история отдельная. Но поскольку на карту в прямом смысле была поставлена их карьера, нашим спортфункционерам уговорить испанцев все-таки удалось. И баски сыграли с «Динамо» и «Спартаком». Первых они победили 7:4, а вот от красно-белых потерпели сокрушительное поражение 2:6.

Блестящей победе «Спартака» радовались все: как рядовые болельщики, так и чиновники от спорта. И лишь в руководстве НКВД царили совсем другие настроения. Только этим можно было объяснить то, что произошло вскоре после того, как баски покинули СССР. А случилось следующее. Судья Владимир Стрепихеев, который имел несчастье судить тот злополучный матч, где «Динамо» проиграло баскам 4:7, был обвинен в идеологической диверсии, арестован и отправлен в лагерь. А другой судья Иван Космачев, который судил встречу басков со «Спартаком», был обвинен... в подыгрыше «Спартаку» (при счете 2:2 он не назначил пенальти в ворота красно-белых) и был отлучен от всесоюзной коллегии судей.

Тем временем в футбольном первенстве страны 1937 года столичное «Динамо» сумело вернуть себе поколебленный было престиж. Оно стало не только чемпионом страны, но и завоевало Кубок СССР. Правда, относительно чемпионства бело-голубых ходили разные слухи. Например, утверждалось, что им помогли это сделать футболисты ЦДКА, которые в том чемпионате плелись на последнем месте. Якобы они специально «слили» динамовцам игру 1:5, а в игре со «Спартаком» проявили такое упорство, что красно-белым пришлось довольствоваться ничьей. Так отобранное у них очко принесло «золото» динамовцам.

Между тем в стране начались репрессии. Они не обошли стороной ни одно спортивное общество, кроме... «Динамо», где арестованных были единицы. Например, там был арестован

один из самых талантливых игроков Валентин Прокофьев, но в том аресте он был повинен сам. Прокофьев дружил с «зеленым змием» и на этой почве однажды отказался играть принципиальную игру с «Пищевиком». За это его сослали в киевское «Динамо». Но он и там не одумался, продолжая свои пьянки-гулянки. В итоге его арестовали и отправили на Колыму, где он и умер от гангрены в возрасте 35 лет.

Сильнее всего от арестов пострадал главный конкурент бело-голубых «Спартак», где были арестованы не только многие спортсмены этого общества, но и их покровители во властных структурах. Из последних можно назвать руководителя Промкооперации Казимира Василевского и самого генерального секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косарева. Последний много лет ходил в любимчиках Сталина, а сгорел, можно сказать, в одночасье: **29 ноября 1938 года** Косарева арестовали и спустя три месяца расстреляли.

Несмотря на тревожную ситуацию, связанную с арестами, футбольный «Спартак» в **1938 году** сотворил чудо: выиграл не только золотые медали чемпионата страны, но и Кубок СССР. Болельщики были в восторге от этого успеха, поскольку прекрасно понимали ситуацию, в которой оказался клуб: не имея поддержки во властных структурах, сделать «дубль» – настоящая фантастика. К слову, именно за это и любили «Спартак» – за его политическую неангажированность, за то, что он был поистине народной командой (за его спиной не стояли ни НКВД, ни Наркомат обороны).

Тем временем в **ноябре** того же **38-го** наркомом внутренних дел СССР стал Лаврентий Берия. Этот человек еще в молодости, будучи на партийной работе в Грузии, увлекался футболом – даже играл на позиции левого хавбека в сборной города Тбилиси, которая в начале 20-х годов приезжала на товарищеские игры в Москву. Потом, став 1-м секретарем Закавказского крайкома партии, Берия не оставлял футбол без внимания и постоянно помогал грузинским командам в их стремлении попасть в высший дивизион. Именно во многом благодаря его стараниям в **1936 году** тбилисское «Динамо» сумело пробиться в высшую лигу.

Став наркомом, Берия практически сразу был избран почетным председателем спортобщества «Динамо». Главным видом спорта, которому новоявленный председатель стал уделять самое пристальное внимание, стал, естественно, футбол. Как вспоминал Н. Старостин:

«Берия стал посещать практически каждый матч с участием динамовских команд. Сам по себе этот факт никого не удивлял. Мы знали, что в юности он играл за одну из грузинских команд и, естественно, сохранил интерес к футболу. Мало-помалу к его визитам привыкли. Более того, радовались, что в высшем руководстве страны есть полномочный представитель спортсменов, свой брат футболист. Не могли же мы предположить, что бывший левый хавбек будет столь болезненно реагировать на наши успехи...»

В сезоне **1939 года** Берия делал большие ставки на две курируемые им команды: московское и тбилисское «Динамо». Однако обе они своего «хозяина» подвели. Москвичи лидировали всю первую половину чемпионата, но затем резко сдали и позволили обойти себя сразу шести командам. Тбилисцы практически до самого конца имели все шансы взять «золото», но на финише оступились и заняли 2-е место. А чемпионом опять стал ненавистный для Берия «Спартак».

Говорят, после столь печального для общества «Динамо» результата Берия вызвал к себе одного из руководителей бело-голубых и поставил вопрос ребром: доколе? Тренер, пытаясь спасти свою карьеру, заявил, что у красно-белых зарплата больше, чем у динамовцев. Берия, для которого этот факт почему-то стал открытием, немедленно распорядился повысить своим подопечным зарплату вдвое. Однако, даже несмотря на все принятые меры, сезон-39 остался за «Спартаком», который умудрился снова сделать дубль – присовокупил к чемпионским медалям и Кубок СССР. Последняя победа стала той каплей, которая переполнила чашу терпения Берия.

Гнев Берия был неслучаен. В **октябре 1939 года** в полуфинальном матче на Кубок СССР сошлись «Спартак» и любимая команда наркома – тбилисское «Динамо». Победителями из этого поединка вышли красно-белые, выиграв с минимальным счетом 1:0. Однако тбилисцы подали протест, считая, что единственный гол был засчитан неправильно – мяч был в воздухе, когда защитник «Динамо» Шавгулидзе в невероятном шпагате выбил его из ворот в поле, а судья якобы не разобрался в ситуации и посчитал, что мяч уже пересек линию ворот. Всесоюзная футбольная секция протест «Динамо» отклонила.

Через две недели (**14 сентября**) «Спартак» сыграл в финале с ленинградским «Сталинцем», выиграл 3:1 и завоевал Кубок СССР. А спустя две недели футбольная общественность узнала сенсационную новость: полуфинальный матч между «Спартаком» и «Динамо» будет переигрываться. Постарался Берия, который пустил в ход все свое влияние и запугал не только руководителей Комитета физкультуры, но и 1-го секретаря МГК Щербакова, который сначала был категорически против переигровки, а когда ему позвонил нарком внутренних дел, тут же пошел на попятную. Не стал перечить Берия и Вышинский, который в те дни занимал пост зампреда Совнаркома и курировал спорт. В итоге было вынесено беспрецедентное решение: пререиграть полуфинал, когда финал уже сыгран.

Переигровка должна была проходить на стадионе «Динамо». Матч вызвал в столице и ее окрестностях необыкновенный ажиотаж. Практически вся околофутбольная тусовка была прекрасно осведомлена о закулисных причинах переигровки, поэтому посмотреть игру съехались болельщики не только Москвы, но и Подмосковья. А поскольку стадион вмещал всего 54 тысячи зрителей, а болельщиков приехало значительно больше, то неудачникам, не сумевшим достать вожаемого билета, пришлось довольствоваться радиотрансляцией игры (они слушали ее прямо возле стадиона).

Примерно за час до игры толпы болельщиков, столпившихся у спортивной арены, стали свидетелями любопытного зрелища. С Ленинградского шоссе к стадиону свернула кавалькада из трех черных «Паккардов». По толпе тут же прошелестело: «Берия!» Это действительно был он. В черном длинном пальто, в шляпе и пенсне, он вышел из среднего «Паккарда» и величественно прошествовал в ворота центральной трибуны. Однако, прежде чем подняться в ложу, он отправился в раздевалку своих подопечных – игроков тбилисского «Динамо».

Как утверждают очевидцы, Берия был в хорошем настроении, шутил и был уверен, что переигровка закончится победой динамовцев. Уж в слишком плачевном состоянии находился в те дни «Спартак», потерявший сразу нескольких своих игроков. Так, буквально накануне переигровки серьезную травму получил лучший центральный полузащитник красно-белых Андрей Старостин (ему сломали руку), были дисквалифицированы Алексей Соколов (лучший центр нападения команды) и Константин Малинин (полузащитник, владеющий прекрасным ударом с обеих ног). Причем двое последних были лишены права играть в матчах первенства, но Кубок Союза в это число не входил, и у них был шанс выйти на поле, если такое разрешение дала бы Футбольная секция Спорткомитета. Но она разрешила выставить только Малинина.

Вообще все футбольное руководство страны в те дни, судя по всему, изрядно перепугалось и было готово удовлетворить любое требование грозного наркома внутренних дел. Если бы он распорядился отобрать Кубок Союза у «Спартака» и отдать его «Динамо», так бы и сделали, даже глазом не моргнув. Но Берия не хотел действовать столь топорно и попытался обставить этот беспрецедентный матч хотя бы элементарными рамками приличия. Хотя уши заказчика, конечно, торчали из всех щелей. Поэтому околофутбольная тусовка прекрасно знала всю подноготную этой переигровки и всеми фибрами своей души была за «Спартак». Даже поклонники вечного конкурента красно-белых ЦДКА в те дни были на стороне «Спартака», поскольку Берия одинаково ненавидели практически все болельщики огромной страны. Ненавидели и как наркома, и как человека, который, вмешиваясь в любимую миллионами игру, кроит футбольный чемпионат по своим бессовестным меркам.

Как и следовало ожидать, игра началась с яростных атак тбилисцев, которые, получив накачку от Берия, прекрасно отдавали себе отчет, чем для них может обернуться пассивная игра в обороне. Но в воротах москвичей стоял Анатолий Акимов, который в тот день буквально творил чудеса – ловил даже самые неберущиеся мячи. Вдохновленные игрой своего вратаря, красно-белые понемногу опомнились и пошли в атаку. Как итог вскоре в воротах тбилисцев побывали два безответных мяча (оба забил Георгий Глазков). Как вспоминал позднее сам Н. Старостин: «Больше я не рву траву. Ведь нет же сейчас в стране команды, способной вырвать у „Спартак“ победу, проигрывая 0:2...»

Но москвичи рано праздновали победу. В конце первого тайма гости сумели собраться и сократили разрыв до минимума. Сидевший на трибуне Берия буквально зашелся от радостного вопля. И в перерыве вновь пришел в раздевалку своих любимцев, чтобы лично подбодрить их и вдохновить на новые подвиги.

После перерыва гости предприняли настоящий штурм спартаковских ворот, пытаясь уйти от поражения. Но вновь блестяще играл Акимов. А потом инициативу перехватил «Спартак», заиграв флангами. В один из таких моментов динамовцы нарушают правила в своей штрафной площадке: когда спартаковец Корнилов вышел один на один с вратарем гостей Дороховым и обвел его, кипер использовал последний шанс – схватил спартаковца за ногу и свалил на землю. Фол был настолько очевидным, что судье матча не оставалось ничего иного, как указать на одиннадцатиметровую отметку. Пенальти пробивал все тот же Григорий Глазков, который был точен, оформив хет-трик. По словам Н. Старостина: «Когда я после забитого пенальти перевел взгляд на центральную трибуну, то увидел, как Берия встал и со злостью швырнул стул. Потом он вышел из ложи и уехал со стадиона...»

Берия зря уехал, поскольку концовка матча выдалась на удивление зрелищной. Динамовцы бросились отыгрываться, и в какой-то из моментов многим показалось, что им это удастся. Особенно, когда их игрок Бережной сократил разрыв до минимума, а вратарь спартаковцев Акимов, получив травму, уступил свое место Жмелькову. Вот тут немногочисленная торсида гостей хором заскандировала: «Ди-на-мо» – впе-ред!». Но сил у гостей добавить «Спартак» уже просто не осталось. Матч закончился со счетом 3:2. И переигрывать финал не понадобилось.

А спустя месяц, в **ноябре**, «Спартак» опять встретился с тбилисским «Динамо». На этот раз в первенстве страны. И снова победил, но уже с разгромным счетом 3:0. Берия опять рвал и метал. Но что могли сделать игроки его любимой команды, которые, как ни старайся, но были все же ниже классом, чем красно-белые. О том, в каком состоянии находился в те дни Берия, говорит такой факт: он отдал команду своим людям по-быстрому сострять на Николая Старостина уголовное дело и выписал ордер на его арест. Однако за спартаковца неожиданно заступился председатель Совнаркома Вячеслав Молотов. А перечить ему Берия тогда еще не решался (он всего лишь год занимал кресло наркома внутренних дел).

1939–1941

Неистовый Борис (Борис Андреев)

Популярный киноактер Борис Андреев стал известен широкому зрителю с конца 30-х годов. И практически сразу он стал героем ряда громких скандалов, которые были широко известны в народе не благодаря СМИ (те в советские годы подобные события практически не афишировали), а исключительно благодаря народной молве, которая, кстати, была не менее оперативной, чем любая из газет. Естественно, по ходу дела эти слухи обрастали всевозможными лишними подробностями, которые только прибавляли популярности киноактеру в глазах населения. Вот лишь некоторые из этих скандалов.

После фильма Ивана Пырьева «Трактористы» (1939) Борис Андреев близко сошелся с актером Петром Алейниковым. Причем вся киношная среда тогда никак не могла взять в толк, какие общие интересы могли связывать громоподобного богатыря Андреева и тщедушного весельчака Алейникова. Однако факт есть факт: эти два актера были друзьями из разряда «не разлей вода».

Одна из первых известных скандальных историй, приключившихся с актерами, относится к **маю 1939 года**, когда друзья снимались в фильме режиссера Эдуарда Пенцлина «Истребители». У обоих там были маленькие эпизодические роли, почти бессловесные (отметим, что когда в **1940 году** фильм выйдет на широкий экран, он займет в прокате 1-е место, собрав 27,1 млн зрителей). Однако, когда артисты приехали в Киев, в гостинице им почему-то не нашлось места. С горя друзья отправились в ресторан. Далее послушаем рассказ О. Хомякова:

«Поужинали в ресторане, идут вечером по Крещатику. До гостиницы еще топтать и топтать, а горилка сделала свое дело: сморила. Вдруг Андреев видит – стоит кровать. Заправлена. На подушках украинская вышивка, на стуле рядом – рушник, тоже расшитый. Пригляделся. Около кровати – диван. А погода теплая, майская. Ну на черта им гостиница, если все это не мираж, не пьяная фантазия? „Петя, была команда: отбой!“ И – к кровати. Кто-то (а может, показалось?) треснул его по лбу, что-то зазвенело... Короче, то был не мираж, а витрина мебельного магазина. Откуда их вскорости извлекли, едва растолкав, милиционеры... Доспали оба в отделении, в КПЗ.

Утром молоденький лейтенант садится за протокол. «Вынужден, – извиняется перед Андреевым, – составить». Тот ему: «Не составишь». Лейтенант: «Вынужден, товарищ Андреев. Я вас лично очень уважаю, но...» – «А я говорю: не составишь». С этими словами Андреев (зная, что они на спирту) выпивает из пузырька чернила! Во-первых, опохмелился. Во-вторых, как следовало ожидать, второго пузырька не имеется. Протокол писать нечем. Немая сцена... Тут раздается треск мотоцикла: прибыл начальник отделения со своей семьей – в люльке, на сиденье. Он в Савку из «Трактористов» влюблен без памяти. Начались знакомства, объятия, фото на память: с семьей, с сослуживцами... О мебельном магазине было забыто. Ну, разбили витрину, ну, вздремнули на кровати, на диване... С кем не бывает?..»

Еще одна скандальная история случилась с Андреевым два года спустя – в **июле 1941 года**. К тому моменту уже вовсю бушевала война, которую Андреев встретил в столице. И вот однажды он зашел в ресторан гостиницы «Москва» и оказался за одним столиком с двумя мужчинами. Один из них, судя по всему, был какой-то начальник, другой – его подчиненный. Однако артист не знал, какое ведомство они представляют. К концу вечера, когда было выпито уже изрядное количество спиртного, между Андреевым и начальником разгорелся какой-то спор. Сначала он шел на повышенных тонах, но затем актер не сдержался, вскочил на ноги и

со всей силы врезал своему оппоненту кулаком в лицо. А кулак у Андреева был размером чуть меньше арбуза. Начальник так и рухнул на пол. Следом за ним свалился и его подчиненный, попытавшийся было осадить артиста.

Как оказалось, пострадавшие были работниками НКВД, а именно: один был генералом, а другой – его адъютантом. В итоге **26 июля 1941 года** Андреева арестовали. Ему вменили в вину «контрреволюционную агитацию и высказывание террористических намерений» и приговорили... к расстрелу. Однако в дело вмешался случай. Один из выносивших приговор прекрасно знал о том, что Андреев является любимым артистом самого Сталина. Вот он и решил подстраховаться: доложил вождю о том, какая история произошла с Андреевым. Думал, видно, пусть Сталин решит, как быть в такой ситуации. И Сталин разрешил ситуацию как нельзя справедливо.

– Пускай этот актер еще погуляет, – сказал «вождь всех времен и народов».

Так Андреев оказался на свободе и вскоре уехал из Москвы на юг – в Среднюю Азию, где тогда находилась в эвакуации практически вся кинематографическая отрасль. Спустя несколько месяцев на Ташкентской киностудии Андреев начал одновременно сниматься сразу в трех фильмах: «Два бойца», «Годы молодые» и «Сын Таджикистана». Как известно, сильнее всего из них прогремят «Два бойца», где Андрееву досталась роль обаятельного увальня Саши с Уралмаша (его друга-одессита Аркадия Дзюбина сыграл Марк Бернес).

Однако следует отметить, что съемки этого фильма проходили отнюдь не гладко, и без громкого скандала, в эпицентре которого опять оказался Андреев, и здесь не обошлось. И опять виной всему оказался «зеленый змий». Вот что поведал по этому поводу известный кинорежиссер Леонид Марягин:

«Михаил Ромм мне как-то рассказывал:

– Я в войну был художником Ташкентской студии. И по должности старался ко всем, вне зависимости от ранга и популярности, относиться одинаково. На студии снимались «Два бойца». Борис Андреев тогда крепко пил. Срывал съемки. Когда он приходил в себя, я делал ему серьезные внушения. Он каялся и клялся, что больше в рот ни грамма не возьмет. Но... набирался снова и вот тут пытался свести со мной счеты. Однажды в понятном состоянии молодой, огромный, бычьей силы он явился к директору студии – старому эвакуированному одесскому еврею – и потребовал сказать, где Ромм. Директор направил его на худсовет, хотя знал, что я в павильоне. Андреев ввалился на худсовет, подошел к ближайшему члену худсовета, приподнял его над полом и спросил:

– Ты Ромм?

– Нет, – в испуге ответил тот.

Андреев посадил его на место и взялся за следующего... Худсовет состоял человек из двадцати. И каждого Борис поднимал в воздух и спрашивал:

– Ты Ромм?

Перебрал всех присутствующих, сел на пол и заплакал:

– Обманули сволочи. Мне Ромм нужен! Я должен его убить!..»

Как мы знаем, Андреев Ромма так и не убил. Однако и ни в одном фильме знаменитого кинорежиссера тоже не снялся.

1948

Арчил выбивает глаз (Арчил Гомиашвили)

Популярный актер театра и кино Арчил Гомиашвили, блистательно сыгравший роль Остапа Бендера в фильме Леонида Гайдая «12 стульев» (1971), в молодости отличался весьма буйным характером и на этой почве становился героем множества скандалов. Один из них закончился для него плачевно – будущего Остапа посадили в тюрьму. Дело было так.

С юных лет Гомиашвили был очень влюбчивым человеком. Когда в конце 40-х он учился в Школе-студии МХАТ, то влюбился в молодую актрису Театра имени Вахтангова Пашкову. Вот как сам артист об этом вспоминал много лет спустя:

«В Театре Вахтангова были три сестры Пашковых, все они были любовницами Рубена Николаевича Симонова. Они все играли мадемуазель Нитуш, и та, которой он симпатизировал, и играла. По этому определяли, с кем он сегодня. Мне младшенькая нравилась. В драке в ресторане гостиницы „Националь“, куда я ее пригласил (это было **7 ноября 1948 года**. – Ф. Р.), я кому-то выбил глаз. Хрен знает, кто выбил, – там такая драка была! – но показали на меня...»

Согласно другой версии, Арчил дрался не за Пашкову, а за другую актрису того же театра имени Вахтангова – звезду советского кинематографа Людмилу Целиковскую.

За драку в общественном месте и нанесение тяжелых побоев Гомиашвили светил солидный срок. И он уже не сомневался в том, что обязательно его получит. Но ему повезло. Через два с половиной месяца после ареста в Москву приехала его мать и напрямую отправилась в милицию. Но там ей сказали: договоритесь с потерпевшим – пусть он заберет свое заявление. Мать нашла пострадавшего, и тот заявил, что заберет заявление только после денежной компенсации за причиненное увечье. Пришлось женщине собирать деньги. Это помогло – Гомиашвили скостили срок до двух с половиной лет тюрьмы.

1949

Стиляги

Не успел Советский Союз оправиться от последствий войны с фашистской Германией, как ему была объявлена новая война – на этот раз «холодная». Причем противниками СССР стали его недавние союзники – США и Англия. А поскольку за минувшие несколько лет в СССР появилось значительное число людей, которые стали с симпатией относиться к этим странам, советским властям пришлось приложить немало сил, чтобы попытаться отвадить людей от западного влияния. Эта кампания была названа «борьбой с космополитизмом».

Особенно много симпатизирующих Западу было в среде советской городской интеллигенции и молодежи, которая даже выдвинула в авангард этого процесса своих главных полпредов – так называемых **стиляг** (молодых людей, одетых преимущественно во все заграничное и любящих все западное, **стильное**). В Москве у стилиаг даже было свое особое место тусовки – правая сторона улицы Горького, именуемая на западный манер Бродвеем. Параллельно со стилиагами существовала еще одна категория молодых людей – «штатники» (то есть апологеты всего американского, штатовского). О том, каким раем на фоне нищей и разгромленной после жесточайшей войны Родины рисовалась стилиагам и «штатникам» Америка, рассказывает известный джазмен Алексей Козлов:

«Я познакомился через своего сокурсника с Феликсом Соловьевым, жившим с ним в одном доме, в Девятинском переулке, рядом с американским посольством. Помню, как именно в его квартире я впервые увидел из окна территорию Соединенных Штатов Америки, двор посольства за высокой стеной, фирменные машины невиданной красоты, детей, играющих в непонятные игры и говорящих на своем языке. Зрелище это вызывало у меня чувство какой-то щемящей тоски о несбыточной мечте, о другой планете... Иногда мы подолгу смотрели туда, в тот заманчивый мир, испытывая пылкую любовь ко всему американскому...»

Отмечу, что подобного рода космополитизм был присущ большинству молодых людей во многих европейских странах. Ведь Европа после войны находилась фактически в руинах, а Америка представляла из себя настоящий цветущий и блещущий неоновыми огнями оазис. Короче, Штаты изначально оказались в гораздо более выгодном положении, чем Европа, и пользовались этим на все сто процентов. Западной Европе был навязан «план Маршалла», а отказавшийся от него СССР, по мысли американских стратегов «холодной войны», заранее был обречен на тяжелое осадное положение. Несмотря на то, что пассионарная энергия еще сохранялась у большинства советских людей, однако одновременно росло и число тех, кто вообще не понимал, что это такое, и в выборе между советской уравниловкой и американским шиком выбирал последнее (например, как в случае с А. Козловым). Именно чтобы сдержать этот процесс, и была затеяна «борьба с космополитами».

В 1949 году в популярном журнале «Крокодил» (№ 7) появилось одно из первых публичных упоминаний о стилиагах. Фельетон Д. Беляева так и назывался – «Стилиага». Приведу ее с некоторыми сокращениями.

«В студенческом клубе был литературный вечер. Когда окончилась деловая часть и объявили танцы, в дверях зала показался юноша. Он имел изумительно нелепый вид: спина куртки ярко-оранжевая, а рукава и полы зеленые; таких широченных штанов канареечно-горохового цвета я не видел даже в годы знаменитого клеша; ботинки на нем представляли собой хитрую комбинацию из черного лака и красной замши.

Юноша оперся о косяк двери и каким-то на редкость развязным движением закинул правую ногу на левую, после чего обнаружились носки, которые, казалось, сделаны из кусочков американского флага – так они были яркие.

Он стоял и презрительно сощуренными глазами оглядывал зал. Потом юноша направился в нашу сторону. Когда он подошел, нас обдало таким запахом парфюмерии, что я невольно подумал: «Наверное, ходячая реклама „ТЖ“».

– А, стилига пожаловал! Почему на доклад опоздал? – спросил кто-то из нашей компании.

– Мои вам пять с кисточкой! – ответил юноша. – Опоздал сознательно: боялся сломать скулы от зевоты и скуки... Мумочку не видели?

– Нет, не появлялась.

– Жаль, танцевать не с кем.

Он сел. Но как сел! Стул повернул спинкой вперед, обнял его ногами, просунул между ножками ботинки и как-то невероятно вывернул пятки: явный расчет показать носки. Губы, брови и тонкие усики у него были покрашены, а прическе «перманент» и маникюру могла позавидовать первая модница Парижа.

– Как дела, стилига? Все в балетной студии?

– Балет в прошлом. Отшвартовался. Прилип пока к цирку.

– К цирку? А что скажет княгиня Марья Алексевна?

– Княгиня? Марья Алексевна? Это еще что за птица? – изумился юноша.

Все рассмеялись:

– Эх, стилига, стилига! Ты даже Грибоедова не знаешь...

В это время в зале показалась девушка, по виду спорхнувшая с обложки журнала мод. Юноша гаркнул на весь зал:

– Мума! Мумочка! Кис-кис-кис!

Он поманил пальцем. Ничуть не обидившись на такое обращение, девушка подпорхнула к нему.

– Топнем, Мума?

– С удовольствием, стилигочка!

Они пошли танцевать...

– Какой странный юноша, – обратился я к своему соседу-студенту. – И фамилия странная: Стиляга – впервые такую слышу.

Сосед рассмеялся:

– А это не фамилия. Стилягами называют сами себя подобные типы на своем птичьем языке. Они, видите ли, выработали свой особый стиль в одежде, в разговорах, в манерах. Главное в их «стиле» – не походить на обыкновенных людей. И, как видите, в подобном стремлении они доходят до нелепостей, до абсурда. Стиляга знаком с модами всех стран и времен, но не знает, как вы могли убедиться, Грибоедова. Он детально изучил все фокусы танго, румбы, линды, но Мичурина путает с Менделеевым и астрономию с гастрономией. Он знает наизусть все арии из «Сильвы» и «Марицы», но не знает, кто создал оперы «Иван Сусанин» и «Князь Игорь». Стиляги не живут в полном нашем понятии этого слова, а, как бы сказать, порхают по поверхности жизни... Но посмотрите.

Я и сам давно заметил, что стилига с Мумочкой под музыку обычных танцев – вальса, краковяка – делают какие-то ужасно сложные и нелепые движения, одинаково похожие и на канкан, и на пляску дикарей с Огненной Земли. Кривляются они с упоительным старанием в самом центре круга.

Оркестр замолчал. Стиляга с Мумочкой подошли к нам. Запах парфюмерии разбавился терпким запахом пота.

– Скажите, молодой человек, как называется танец, который вы танцуете?

– О, этот танец мы с Мумочкой отрабатывали полгода, – самодовольно объяснил юноша. – В нем широко сочетается ритм тела с выражением глаз. Учтите, что мы, я и Мума, первые обратили внимание на то, что главное в танце – не только движение ног, но и выражение лица. Наш танец состоит из 177 вертикальных броссов и 192 горизонтальных пируэтов. Каждый брос или пируэт сопровождается определенной, присущей данному бросу или пируэту улыбкой. Называется наш танец «стиляга-де-дри». Вам нравится?

– Еще бы! – в тон ему ответил я. – Даже Терпсихора в обморок упадет от восторга, увидя ваши 177 бросов и 192 пируэта.

– Терпсихора? Кажется, вы так сказали? Какое шикарное имя! Кто это?

– Терпсихора – это моя жена.

– Она танцует?

– Разумеется. И еще как! В пляске святого Витта она использовала 334 бросса и 479 пируэтов!

– Пляска святого Витта? Здорово! Даже я такого танца не знаю.

– Да что вы?! А ведь это сейчас самый модный танец при дворе французского короля Генриха Гейне.

– А я где-то слышала, что во Франции нет королей, – робко возразила Мумочка.

– Мума, замри! – с чувством превосходства заметил стиляга. – Не проявляй свою невоспитанность. Всем известно, что Генрих Гейне не только король, но и французский поэт.

Гомерический хохот всей компании покрыл эти слова. Стиляга отнес его в адрес Мумочки и смеялся громче всех. Мума сконфузилась, покраснела и обиделась.

– Мумочка, не дуйся. Убери сердитки со лба и пойдем топнем «стилягу де-дри»...

Мума улыбнулась, и они снова принялись за свои кривляния...

– Теперь вы знаете, что такое стиляга? – спросил сосед-студент. – Как видите, тип довольно редкостный, а в данном случае единственный на весь зал. Однако находятся такие девушки и парни, которые завидуют стилягам и мумочкам.

– Завидовать? Этой мерзости?! – воскликнула с негодованием одна из девушек. – Мне лично плюнуть хочется.

Мне тоже захотелось плюнуть, и я пошел в курительную комнату».

1951

Опасные шутки (Николай Рыбников)

Карьера популярного киноактера Николая Рыбникова могла вовсе не начаться, поскольку, еще будучи студентом ВГИКа, он едва не угодил в лагерь. А поводом к этому была шутка, которую инициировал сам Рыбников. Дело было так.

Одной из граней рыбниковского таланта было его умение мастерски пародировать многих известных людей. Но поначалу это свое умение Рыбников не выносил за стены студенческого общежития, которое находилось в подмосковном городе Бабушкине. Его розыгрыши касались только коллег-студентов. Например, в арсенале Рыбникова был следующий розыгрыш.

Узнав о «темном пятне» в биографии какого-нибудь студента, Рыбников с единомышленниками заманивали бедолагу в свою комнату. Там Рыбников заранее прятался в шкафу и с помощью подключенного к работающему радиоприемнику микрофона имитировал голос диктора. О чем же вещал этот голос? Весь розыгрыш строился на том, что приглашенный в комнату студент выслушивал из радиоприемника всю свою подноготную, включая и самые интимные подробности из собственной биографии. К примеру, один из студентов тайно верил в Бога, посещал церковь. Про это стало известно Рыбникову и К°, которые тут же обыграли этот факт. В другом случае они заставили потеть от ужаса студента операторского факультета, который, будучи в командировке, без разрешения снял на фотоаппарат приграничную территорию.

Все эти розыгрыши доставляли Рыбникову и трем его приятелям огромное удовольствие, чего нельзя было сказать об испытуемых. Иногда голос из радиоприемника доводил их буквально до истерики. Однако, когда правда вскрывалась и довольный Рыбников выходил из шкафа, ни один из испытуемых не решился заявить об этом розыгрыше руководству института. Это и понятно – в таком случае студенту пришлось бы рассказать и о собственных грехах. Таким образом, рыбниковские розыгрыши долгое время не выходили за стены общежития. Так продолжалось до **апреля 1951 года**, когда Рыбников с товарищами, видимо, утратив элементарное чувство меры, решили замахнуться... на советское правительство. Что же тогда произошло?

В один из последних мартовских дней шутники собрали в своей комнате половину общежития, и Рыбников (все так же прячась в шкафу) голосом Юрия Левитана зачитал правительственное постановление о снижении розничных цен. Согласно этому постановлению, с **1 апреля** цены на продовольствие снижались в 5 раз, на винно-водочные изделия в 7 раз, а соль и спички должны были отпускать бесплатно. Ни один из присутствующих в комнате, кроме самих шутников, ни на секунду не усомнился в реальности происходящего и поэтому встретил фиктивное радиосообщение громом аплодисментов и криками: «Да здравствует товарищ Сталин!» и «Слава советскому правительству!»

Между тем последствия этого розыгрыша оказались плачевными для его зачинщиков. Уже через несколько дней после него буквально весь поселок горячо обсуждал постановление о снижении розничных цен и с нетерпением ожидал наступления 1 апреля. В конце концов новость об этом дошла до компетентных органов, которые не имели права остаться безучастными к такому скандалу. Шутников довольно быстро разоблачили и увезли в кутузку. Если учитывать суровость тогдашних времен, то студентам-шутникам грозило как минимум 25 лет строгого режима за антисоветскую пропаганду.

К счастью, следователь, который вел это дело, оказался совсем не кровожадным и не стал заводить на ребят уголовное дело. Что наглядно демонстрирует то, что в советской правоохранительной системе, как и в любой другой, в те годы работали разные люди: и те, кто бездумно размахивал секирой, и те, кто делал это с умом. Поэтому наказание шутники получили минимальное – их исключили из комсомола. А Рыбникова решили вдобавок отчислить и из ВГИКа. Таким образом, весной **1951 года** карьера будущей звезды советского экрана могла с позором завершиться, едва начавшись, не вмешайся в ситуацию руководство курса. Справедливо считая Рыбникова одним из лучших своих учеников, оно взяло его на поруки. Отчисления не произошло, но после этого случая он еще долго ходил «тише воды, ниже травы».

Отмечу, что всю эту историю рассказал широким массам свидетель тех событий режиссер Петр Тодоровский в фильме «Какая чудная игра» (**1995**). Однако в финале он погрешил против истины и закончил дело трагедией: всех участников розыгрыша расстреляли. Сей кульбит режиссера-либерала был не случаен. Чтобы обелить жестокости новой либеральной России, ельцинисты всех собак навешивали на «кровожадных» коммунистов.

1952

Разгон ЦДКА

После войны продолжились скандальные разборки в советском футболе. Причем прежнему конкуренту «Динамо» – спортобществу «Спартак» – пришлось заметно потесниться, а потом и вовсе отойти на второй план. Как же это произошло? Чтобы понять это, надо отмотать время немного назад.

Сезон **1939 года** стал последним удачным предвоенным сезоном для спартаковцев. В течение двух последующих лет подопечные Берия были сильнее. Так, в **1940 году** сразу три команды общества «Динамо» вошли в пятерку сильнейших: москвичи (1-е место), тбилисцы (2-е), ленинградцы (5-е); в **41-м** эти же три клуба вновь были в лидерах (москвичи на 1-м, тбилисцы на 2-м, ленинградцы на 3-м). А потом грянула война, и всем уже стало не до футбола. Всем, но только не Берия. Как показали дальнейшие события, свое унижение в 39-м он не забыл. И спустя два с половиной года после скандальной переигровки тбилисского «Динамо» со «Спартаком» сумел-таки отомстить братьям Старостиным.

Ранней весной **1942 года** Николай Старостин заметил, что за ним следят: во время перемещений по городу за его машиной неотступно следовал один и тот же автомобиль с двумя неизвестными мужчинами. Старостин немедленно связался со 2-м секретарем Московского горкома партии Павлюковым (он был страстным болельщиком «Спартака») и рассказал ему о своих подозрениях. Секретарь пообещал разобраться. Но его вмешательство только усугубило ситуацию. За Старостиным действительно следило московское МГБ, собирая на него компромат, а после вмешательства Павлюкова слежку за руководителем «Спартака» доверили центральному аппарату МГБ. Там у Старостина заступников не было. И **20 марта** Николая Старостина, а также его братьев Андрея, Петра и Александра арестовали. А чтобы общественность не возмущалась, распространили информацию, что братьев взяли за... расхищение народного добра. Судя по всему, Берия не ставил целью физическое уничтожение братьев, а стремился к одному – устранить со спортивного горизонта своих главных конкурентов. Поэтому братьев не расстреляли, а сослали в разные лагеря. Но жили они там более-менее сносно, поскольку давно считались кумирами нации. И ни один зэк, даже самый отпетый, их пальцем не тронул. Да что там уголовники, когда даже некоторые из коллег, причем динамовцы, помогали братьям чем могли. Так, знаменитая конькобежка Мария Исакова, любимица динамовского руководства, лично приехала в Киров и вручила Николаю Старостину 500 рублей. Она серьезно рисковала: узнай об этом поступке Берия, и конькобежка не только была бы лишена всех своих спортивных званий, но и свободы. К счастью, все обошлось.

Между тем репрессии в «Спартаке» в значительной мере повлияли на выступления футбольной команды в возобновившемся после войны первенстве страны. Так, в сезоне **1945 года** красно-белые оказались лишь седьмыми. Кто взял первое место, читатель, надеюсь, догадался – подопечные Берия динамовцы столицы. Кроме этого, еще два клуба общества «Динамо» вошли в пятерку сильнейших: тбилисцы стали четвертыми, ленинградцы – пятыми. Стоит отметить, что динамовцы Москвы в **1945 году** отличились не только у себя на родине, но и поставили на уши родину футбола чопорную Англию. Усиленное двумя «варягами» (В. Бобровым и Е. Архангельским), «Динамо» сыграло четыре матча с лучшими английскими клубами и добилось феноменального успеха: две игры выиграли и две свели вничью. Соотношение мячей тоже было в пользу москвичей: 19:9.

Ничего не изменилось и в несколько последующих лет: в **46-м** «Спартак» был 6-м, в **47-м** – 8-м, а вот динамовские клубы Москвы и Тбилиси обязательно входили в тройку сильнейших.

Правда, горькую пилюлю «Спартак» подсластили две победы в Кубке СССР в **46-м и 47-м годах**.

Как водится, свято место пусто не бывает. Вместо «Спартак» у Берия появился другой конкурент – ЦДКА (Центральный Дом Красной Армии). Министерство обороны после войны обрело настоящую силу и мощь и сумело собрать под свои знамена лучших спортсменов страны, поскольку теперь «право первой ночи» при отборе игроков перешло к ним (до войны это право было за «Динамо»). Одним из таких талантов, например, был гениальный футболист и хоккеист Всеволод Бобров, который в игре один стоил чуть ли не половины команды соперников.

Как мы помним, в **45-м** Бобров в составе «Динамо» ездил на товарищеские матчи в Англию, блестяще себя там зарекомендовал, но приглашения играть за этот клуб так и не дождался – селекционеры «Динамо» его просто проглядели. Зато армейцы подсустились. Как результат: в **1946–1948 годах** ЦДКА трижды брал «золото» чемпионатов страны именно с Бобровым в составе. И как ни старался Берия, однако ничего не мог противопоставить гегемонии армейцев. Даже потеря в **46-м** соперником двух таких форвардов, как Бобров и Федотов, не помогла бело-голубым изменить ситуацию в лучшую для себя сторону (к слову, травмировали их те же динамовцы, только киевские – Лерман и Махиня, что расценивалось многими болельщиками как целенаправленный заказ из Москвы).

В те же годы на спортивном горизонте Берия возник еще один конкурент – сын вождя всех народов Василий Сталин, который взялся курировать команду ВВС. Курировал он ее своеобразно, в том же духе, что и Берия: сманивал перспективных игроков всевозможными благами в виде квартир, высоких зарплат и т. д. На почве сманивания игроков у Берия и Василия постоянно возникали стычки. Но особенно Берия возненавидел Василия после того, как тот в **1948 году** попытался выволнить из заключения Николая Старостина и сделать его главным тренером ВВС. Этого Берия допустить никак не мог.

Как только Старостин прибыл в Москву, бериевские ищейки выследили его и заставили вернуться обратно в Киров. И как Василий ни старался, но повернуть историю вспять ему не удалось. Старостина он тогда так и не заполучил, зато переманил к себе Бобра – Всеволода Боброва. И во многом благодаря его стараниям в **1950 году** футбольная команда ВВС добилась самого высокого своего результата – взяла 4-е место, пропустив вперед себя ЦДКА, а также московское и тбилисское «Динамо».

Между тем в **1948–1949 годах** «Спартак» удалось дважды войти в тройку сильнейших и взять «серебро» чемпионата. У «Динамо» показатели были лучше: в **48-м** оно взяло «серебро», а в **49-м** стало и вовсе чемпионом. Однако Берия своих попыток развалить народную команду не оставлял и обратил свой взор на одного из лучших спартаковцев – 24-летнего полусреднего нападающего Сергея Сальникова, который за пять лет пребывания в команде забил 64 гола.

Лицом и статью этот игрок напоминал голливудского актера и считался одним из самых одаренных футболистов союзного чемпионата. Его мечтали заполучить в свои ряды многие команды, но Сальников «не продавался» – с **1941 года** он начал свою спортивную карьеру в юношеской команде «Спартак» и предавать свой клуб не собирался. Но Берия использовал коварный ход: пригрозил Сальникову, что если он не перейдет в «Динамо», то за решетку отправят... родителей футболиста. Так, в **1950 году** Сальников вынужден был надеть на себя бело-голубую форму. Однако динамовцам это не помогло – «золото» чемпионата-50 взяли армейцы, а Кубок СССР достался «Спартак», который в финале разгромил бело-голубых со счетом 3:0. Разъяренный Берия за этот провал сослал главного тренера динамовцев Михаила Якушина в почетную ссылку – в Тбилиси. Новым тренером «Динамо» стал Николай Дубинин, но и ему не удалось оправдать оказанного ему доверия: в сезоне-51 москвичи и вовсе заняли 5-е место, а армейцы снова были при золотых медалях (горькую пилюлю Берия подсластили тбилисцы, которые взяли «серебро»).

И все же в **1952 году** Берия сумел-таки устранить конкурента, приложив руку к расформированию ЦДКА. Формальным поводом к этому стал провал советской сборной по футболу на Олимпиаде-52 в Финляндии. Причем в той сборной играло всего... трое армейцев, но для Берия этот факт значения не имел. Наши проиграли сборной Югославии 1:3, и это поражение было приравнено к политическому, – Сталин с Тито были врагами. Поэтому, когда Берия пришел к вождю народов с докладом и заявил, что ведущую скрипку в той провальной игре играли армейцы (хотя худшим игроком был его земляк – футболист тбилисского «Динамо» Чкуасели), Сталин одним махом подписал указ о расформировании «команды лейтенантов». Правда, Берия и его «Динамо» это опять не помогло: чемпионом страны в том году стал другой конкурент Лаврентия Палыча – «Спартак». Он же победил и через год, хотя тбилисское «Динамо» было в шаге от «золота». Но Берия это уже не волновало: в **июне 53-го** он был арестован, а в **декабре** его расстреляли. Причем приговор привел в исполнение генерал Батицкий, который был... ярым болельщиком ЦДКА.

1953

Отелло кусает за нос... (Борис Владимиров)

В 70-е годы прошлого века на всю страну гремел юмористический дуэт двух старушек: Авдотьи Никитичны и Вероники Маврикиевны. Под масками этих персонажей скрывались двое мужчин-актеров: Борис Владимиров и Вадим Тонков. Между тем мало кто знал, что этого дуэта могло и не быть, поскольку в начале 50-х один из артистов – Владимиров – оказался в центре громкого скандала и едва не угодил в тюрьму. А поводом к этому происшествию послужила дикая ревность.

Владимиров и Тонков вместе учились в ГИТИСе на актерском факультете. Однако на втором курсе, в **1951 году**, из-за проблем с голосом Владимиров был вынужден перевестись на режиссерский факультет. Тогда же оба студента женились: Тонков на девушке Марте, с которой дружил с 14 лет, а Владимиров на своей однокурснице. Однако если первые прожили вместе всю жизнь, то вторые ходили в ранге мужа и жены всего лишь год. После чего Владимиров ушел... к другой своей однокурснице – чешке Иржине. Это была красивая и элегантная женщина с западным шиком и приятным акцентом. Когда Владимиров уходил к ней, многие друзья отговаривали его от этого шага, уверяя его, что он с ней намучается – поклонников у нее всегда было хоть отбавляй. Но Борис друзей не послушал. И в итоге едва не загремел за решетку. Вот как об этом вспоминает М. Тонкова:

«Драма разыгралась в студенческом общежитии на Трифоновке на Новый год. Время было преддипломное. На праздник в компанию однокурсников пришли Борис и Иржина. Мы с Вадимом остались дома. Как рассказывали очевидцы, Борис приревновал Иржину к какому-то гостю и пытался увести ее домой. Но она наотрез отказывалась и продолжала вовсю отплясывать. Тут Боря закипел от ревности и силой потащил ее к выходу. Она стала отбиваться и кричать: „Отпусти! Я останусь!“ Боря, как человек горячий, недолго думая, набросился на нее и вцепился ей зубами в нос! Его с трудом оттащили от плачущей девушки, по ее лицу струилась кровь. В больнице Иржине пришлось накладывать несколько швов, но шрамы от зубов Бори остались у нее на всю жизнь...

Над Владимировым нависла угроза исключения из института. Его педагог Юрий Завадский был в очень трудном положении – нападение на иностранку, тут одним отчислением не отделаешься! Он вызвал Бориса и сказал: «Боря, у тебя только один выход – умоляй Иржину взять всю вину на себя, иначе ты погиб!» Если бы она захотела, запросто могла засадить Владимира в тюрьму! Все студенты курса вместе с педагогами ходили к ней в общежитие просить за Боря: «Прости его, он кается. Ты ведь сама знаешь, что это от ревности, из-за любви...» Иржина наотрез отказалась видаться с Борисом, заявив: «Этот человек для меня больше не существует!» Но когда к ней, опухшей, со шрамами, пришел с повинной Боря, она его простила и не стала писать заявление в милицию... Но больше они никогда не встречались...»

1955

В прицеле – Мосэстрада

В отличие от сегодняшнего российского шоу-бизнеса с его конвейерной «фабрикацией» сомнительных «звезд» и «звездочек» советская эстрада в основе своей несла в массы подлинное искусство. Даже самые второсортные ее артисты, выступавшие в самых отдаленных и периферийных филармониях, могли дать фору сегодняшним «звездам», особенно по части исполнительского мастерства (например, наличие голоса было обязательным, поскольку все пели вживую, а не под «фанеру» – фонограмму). Единственное отличие: советские эстрадные «звезды» не были ни рублевыми, ни тем более долларовыми миллионерами, поскольку за свой талант получали значительно меньшие гонорары, чем нынешние «звезды». Однако и в советские годы артисты хотели красиво жить, поэтому использовали любые возможности, чтобы получить дополнительные заработки. И главным поприщем для этого были так называемые леваки – левые концерты, которые брали свое начало еще на заре становления советской эстрады – в годы «угара нэпа» (то есть в 20-е годы).

Подобные концерты проходили как неофициальные, и гонорары от них обычно делились на три части: одна предназначалась артисту, вторая – директору-устроителю концерта (продюсеру по-современному) и, наконец, третья часть шла в карман руководителям филармонии, где этот концерт проходил. Как видим, в госкарман с этого дела ни шло ни копейки, что, естественно, государством не приветствовалось. В итоге власти с «леваками» периодически боролись, но искоренить их не стремились, поскольку прекрасно понимали, что подобные концерты являются своеобразным стимулом для артистов и позволяют им зарабатывать больше их скромных гонораров. Однако, как уже говорилось, борьба с «леваками» в эстрадной среде велась, дабы страсть к лишним деньгам у артистов имела свои пределы.

Между тем, помимо упомянутых «леваков», широко практиковались неофициальные концерты, которые не приносили артистам, участвующим в них, ни копейки, но были выгодны администраторам филармоний как средство установления хороших отношений с «нужными» людьми. Вот лишь один из подобных примеров.

В начале **1955 года** героем скандальной хроники стал директор Мосэстрады Николай Барзилович. По нему ударила одна из влиятельных газет «Советская культура». **15 января** на ее страницах была опубликована статья Н. Кривенко «То, чего не видит зритель...». Приведу из нее небольшой отрывок:

«Среди тысяч концертов, которые ежегодно дает Мосэстрада, есть множество таких, которые никак не отражены в документах оперативной и бухгалтерской отчетности. Речь идет о так называемых левых, т. е. незарегистрированных бесплатных концертах, проведение которых категорически запрещено многими авторитетными приказами и постановлениями, в том числе и распоряжениями директора Мосэстрады Н. Барзиловича. Но так уж заведено в Мосэстраде: приказы и распоряжения – одно, дела и практика – другое.

Наивно думать, что такие концерты даются бескорыстно, хотя артисты, участвующие в них, как правило, не получают ни копейки. «Левые» концерты нужны Н. Барзиловичу и его ближайшему окружению для своеобразного «подкупа» и установления «хороших» отношений с теми или иными «полезными» организациями и учреждениями...

Ассортимент материальных и прочих благ, добываемых таким образом, велик и разнообразен. Бесплатные концерты, как волшебный золотой ключик, открывают путь к номерам в гостинице «Москва», к устройству гаража для персональной машины, к лечебным карточкам в хорошую поликлинику, к производственным мастерским Большого театра, даже к подписке

на собрание сочинений Виктора Гюго. Своеобразная и систематическая «шефская» работа ведется с соблюдением необходимой конспирации: «Я об этом концерте ничего не знаю», – любят повторять директор и его коллеги, посылая артистов на очередное тайное выступление, продиктованное, по мнению дирекции, «самой жизнью».

Впрочем, ради справедливости следует сказать, что о многих «левых» концертах директор, возможно, и в самом деле ничего не знает. Дурной пример заразителен, если подает его руководитель учреждения. Глядя на Барзиловича, запрещенные концерты организуют и другие ответственные работники Мосэстрады. И можно ли удивляться, что по неверным стопам руководителей идут и творческие работники. Совсем недавно, например, артисты А. Шуров и Н. Рыкунин сорвали свое выступление на праздничном вечере в Колонном зале Дома союзов, так как задержались на «левом» концерте. Самое интересное, что заезд на «левый» концерт артисты Шуров и Рыкунин совершили на такси, которое оплачивалось государственными средствами. По-видимому, это тоже, как говорят в Мосэстраде, было «продиктовано самой жизнью»...

И можно ли удивляться, что директор Мосэстрады Н. Барзилович не пользуется уважением и авторитетом в коллективе. Да и о каком авторитете может всерьез идти речь, когда руководство Мосэстрады открыто покровительствует халтурщикам и рвачам; когда на глазах у всех нарушается государственная и финансовая дисциплина...

Необходимо самым решительным образом оздоровить всю обстановку в Мосэстраде. Столичная государственная эстрада должна, наконец, стать образцовой концертной организацией страны».

Вскоре после этой публикации Н. Барзиловича с должности сняли. В этом была эффективность советских СМИ – они могли влиять на ситуацию в обществе. Сегодняшние российские СМИ такого влияния не имеют. То есть свободы слова стало больше, чем в СССР, а эффекта от нее значительно меньше. Сегодня хоть опиши по поводу современных Барзиловичей, а с них как с гуся вода.

Стиляги-2

Как мы помним, первое наступление на стиляг было датировано концом 40-х. Оно имело свои последствия: стиляги и в самом деле стали изгоями общества, и рост их рядов заметно приостановился. Однако после смерти Сталина, когда советское общество заметно раскрепостилось, стиляги вновь подняли голову. Тем более что хрущевская «оттепель» предполагала более широкое установление контактов с Западом, чем раньше. Но, видимо, эта активность стиляг была настолько вопиющей, что власти не смогли оставить ее без внимания и на этот раз. В итоге в начале **1955 года** началась новая кампания против стиляг. Зачинателем этого «наезда» стала газета «Советская культура», на страницах которой **18 января** была помещена статья Григория Гогоберидзе «Стиль» и его поклонники». Приведу несколько отрывков из нее:

«Их день обычно начинается после двенадцати часов. Насвистывание танцевальной новинки, хлопанье себя по бедрам заменяет им утреннюю зарядку. Затем возникает забота, где достать деньги. Если деньги найдены, начинаются телефонные перезвоны:

– Хэлло, чувак, это я, Генка! Есть хата, нужны кадры. Предки на даче...

Трудно себе представить что-нибудь более уродливое, чем жизнь молодых людей, которых называют «стилягами». Стилягу вы узнаете по особому «стилю» в разговорах, в манерах – по кричащему костюму, нагловатому взгляду. При встрече с вами стиляга «изящным» жестом поправит ослепительно пестрый галстук и как бы невзначай щегольнет «оригинальным» перстнем. Чтобы окончательно ошеломить вас, он из коробки от заграничных сигарет вытащит самую обыкновенную сигарету «Дукат» и, доверительно склонив к вам голову с набриолиненными волосами, солидно произнесет:

– Потрясная вещь!..

Стиляги девушки носят платья, до неприличия обтягивающие фигуру. Юбка – с разрезом. На губах – яркая краска. Летом на ногах – «римские» сандалеты. Прически – во вкусе «модных» иностранных киноактрис...

Есть у стиляг излюбленные места встреч в центре Москвы. Отсюда они растекаются по ресторанам, клубам, танцевальным площадкам или же совершают многочасовой моцион по улице Горького. Здесь можно встретить бездельничающего «денди» Виталия Трещалина, которого сами стиляги не зря, очевидно, называют «Болваном Бродвейским» (Б.Б. станет героем еще одной публикации – в **январе 1959 года** в «Комсомольской правде» будет опубликована статья про стиляг «Печальные рыцари жевательной резинки». – Ф. Р.). Здесь вы встретите высокого, упитанного, с нахальной физиономией юношу по кличке Очки – это Николай Раки-тин. Он не учится и не работает, он «прожигает» жизнь. По его стопам идет и Юрий Фетисов, в самом начале своего пути избравший кривую дорожку...

Как же убог внутренний мир этих людей, как ничтожны их интересы, как низменны желания! Невесть откуда доставаемая низкопробная бульварная литература, авантюрные романы и прочее книжное старье времен Навроцких и Бебутовых – вот их чтение. Визгливая какофония джаза, монотонные «буги-вуги», судорожные «би-бопы», записанные кустарным способом и кое-где продаваемые из-под полы; открытки с изображениями слащавых «красавцев» в мещанском вкусе, иностранных «кинозвезд» – вот «искусство», которым они наслаждаются...

Уродливое воспитание в семье, воспитание безответственности и презрения к труду, низкопоклонства перед всем «заграничным», то есть, иными словами, перед вкусами и нравами буржуазной «золотой молодежи» – вот что породило «стиль» и стиляг. Некоторые из них, подобно Михаилу Покровскому, сыну профессора, «прожигают» жизнь в ресторанах; другие, как сын артиста Мосэстрады Виталий Бобров, становятся завзятыми пьяницами и окончательно теряют человеческий облик; третьи, как Татьяна Лунина, Мила Гуйтар и другие, так называемые стиляги-динамистки, развлекаются тем, что ходят со случайными знакомыми

по ресторанам, заказывают за их счет ужин, расплачиваются многообещающими взглядами, а затем, улучив момент, исчезают... Под пьяную руку нанес товарищу-студенту удары ножом Эрнст С. Он рассчитывал на то, что папа все уладит, и действительно отец, сотрудник Министерства просвещения РСФСР, вместо того чтобы осудить поступок сына, пытался взять его под защиту...

Стиляг немного. Это – единицы, это – ничтожная кучка людей, стоящая особняком на фоне многообразной, кипучей, полной труда и романтики подлинно красивой жизни нашей советской молодежи...»

Стиляг в СССР и в самом деле было немного – всего-то несколько тысяч на многомиллионную страну. Однако после распада Советского Союза они расплодись как тараканы. Они только название сменили, правда, не столь радикально: теперь их называют «стильная молодежь». Нынешние стилиги ведут куда более активную и разностороннюю жизнь, чем их предшественники: посещают модные тусовки, читают гламурные журналы, покупают все заграничное, причем чаще всего на родине оно. Многие из них, как и раньше, являются детьми «сливок общества» – влиятельных госфункционеров, олигархов, деятелей искусства. Но суть нынешних стилиг осталась та же, что и у прежних, – прожигание жизни.

Скандальный министр (Георгий Александров)

Самым скандальным министром культуры СССР был Георгий Федорович Александров. Карьера этого человека по своему уникальна. В начале 20-х он был беспризорником, но затем сумел дорасти до одного из ближайших сподвижников Сталина. В **1939 году**, в возрасте 31 года, Александров возглавил Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), а в следующем году стал во главе Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). В **марте 1946 года** Сталин ввел его в состав Оргбюро (Политбюро) ЦК ВКП(б), что было высшим проявлением доверия со стороны вождя. Однако это доверие длилось недолго.

В конце того же десятилетия Александров внезапно попал в немилость: он был выведен не только из состава Оргбюро, но и из состава ЦК (это было результатом борьбы двух членов Политбюро: Жданова и Маленкова, а Александров был креатурой последнего), которая развернулась вскоре после войны. Согласно легенде, формальным поводом к опале Александрова стало то, что в своей книге «История западно-европейской философии» он назвал Карла Маркса западным философом. В итоге Александров слетел со всех своих высоких постов и оказался в кресле директора Института философии АН СССР.

После смерти Сталина карьера Александрова вновь поползла вверх. Благодаря стараниям все того же Маленкова, который стал председателем Совета министров СССР, он был назначен в **марте 1954 года** министром культуры СССР. Но минул всего лишь год, как Хрущев, рвущийся к власти, стал наносить удары по Маленкову и его кадрам, и первым от этих ударов пострадал именно Александров. Согласно одной из версий, с ним расправились с помощью компромата, которым располагал КГБ (а это учреждение в те годы возглавлял протеже Хрущева генерал Иван Серов), согласно другой, компромат подбросили чекистам еврейские националисты, которые давно считали Александрова своим злейшим врагом и боялись его дальнейшего продвижения по служебной лестнице.

Компромат был из разряда убойных, идентичный тому, что использовался год назад против Берия. По нему выходило, что Александров... развратник с многолетним стажем. При чем вскрылась эта история якобы случайно. Некая женщина, скрывшаяся под псевдонимом Мать, написала письмо Хрущеву, где рассказала о том, что некий высокопоставленный деятель растлил ее дочь-студентку. Хрущев отдал команду своим людям провести расследование этого сигнала. В итоге было установлено, что растлителем оказался некий писатель Кривошеин, который у себя на даче в подмосковной Валентиновке устроил некий бордель для элитарных особ. В качестве девиц легкого поведения выступали студентки Щукинского театрального училища, а их клиентами были многие высокие парт- и госруководители, в том числе глава Минкульта Александров, а также его бывшие коллеги по Агитпропу.

Чуть позже людская молва свяжет с этой историей и начинающую звезду советского кинематографа Аллу Ларионову, которая якобы была любовницей Александрова, и тот даже купал ее в ванной... с шампанским. Сама актриса долгие годы будет всячески отвергать эти слухи, называя их огульными. Лично у меня нет основания не доверять ее словам, поскольку вся эта история носила исключительно политический подтекст – с ее помощью определенные силы хотели свергнуть с министерского поста неудобного им Александрова. Поэтому, чем круче были слухи о его амурных похождениях (а вбрасывали их в народ, без сомнения, чекисты), тем больше было шансов у разработчиков этой кампании на успех. Как уже отмечалось, в **53-м** точно такая кампания была организована против Берия, которому тоже приписали неумную страсть к слабому полу, причем страсть убийственную: якобы он изнасиловал несколько десятков женщин, многих из которых убил и закопал (!) во дворе своего особняка на Садовом кольце. И легковверные люди охотно верили в эти страшилки!

Между тем Александров и в самом деле знал Ларионову, но... только заочно. На эту начинающую актрису он обратил внимание в **1954 году**, когда на экраны вышел фильм режиссера Исихидора Анненского «Анна на шее» (4-е место в прокате – 31 миллион 900 тысяч зрителей), где Алла играла главную роль. Вот как об этом вспоминала сама актриса:

«Когда „Анна на шее“ вышла на экраны, мне прямым текстом говорили, что я – счастливая, потому что Берия расстреляли в **1953-м**. Иначе бы он прихватил меня в свой гарем... Потом были сплетни про мой якобы роман с Александровым, тогдашним министром культуры. Ну, все это ерунда: его ведь назначили, когда «Анна на шее» уже вышла на экраны. Мы с ним совершенно случайно на «Ленфильме» встретились, когда у меня была кинопроба на «Двенадцатую ночь» (в **1954 году**. – Ф. Р.). Он шел мимо, знакомясь со студией. Увидел меня, застыл как вкопанный и простоял так все время, пока я пробовалась. Потом уже пошли сплетни...»

Сплетни действительно пошли, но странным образом совпали с тем периодом, когда Хрущев начал кампанию против Маленкова и его соратников в руководстве. Выглядело это следующим образом.

В самом начале **февраля 1955 года** Маленков был снят с поста председателя Совета министров СССР (на его место был назначен Николай Булганин), а следом наступила очередь и его креатур. **8 марта** с поста секретаря ЦК был удален Николай Шаталин (еще один ярый борец с еврейским лобби во власти), после чего добрались и до Александрова. **11–12 марта 1955 года** в Москве проходило Всероссийское совещание работников культуры, где многие ораторы обрушились с критикой на главу союзного Минкульта. Его обвинили в оторванности от практических задач, в консерватизме. Как итог: **22 марта** свет увидел указ Булганина об освобождении Александрова с поста министра «как не обеспечившего руководства». Именно в эти дни по каналам ЦК и стали распространяться сведения об аморальном облике бывшего министра культуры. Лекторы ЦК КПСС на своих лекциях захлеб рассказывали о том, как Александров купал своих любовниц (среди них чаще всего упоминалась именно Алла Ларионова) в ванне с шампанским.

После этих слухов Ларионову разом прекратили приглашать на роли, и она в панике написала письмо новому министру культуры Николаю Михайлову (в **1938–1952 годах** он занимал пост Первого секретаря ЦК ВЛКСМ, потом год работал заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС), в котором были такие строчки: «Уважаемый товарищ министр! Я к вам обращаюсь как комсомолка. Обо мне распускают несуразные сплетни... Прошу разобраться...»

Прошла неделя после отправки этого письма, и вот уже на имя Ларионовой приходит официальный ответ от самого министра. Тот сообщал, что он во всем разобрался, что никогда не верил в грязные сплетни про актрису и на основе этого уже отдал соответствующие распоряжения. И действительно, вскоре дорога в кино для Ларионовой была вновь открыта, и она быстро наверстала упущенное, став одной из самых снимаемых актрис советского кинематографа (в **1955–1956 годах** она снялась в таких фильмах, как: «Судьба барабанщика», «Главный проспект», «Полесская легенда»).

Отмечу, что еще одной молодой актрисой, имя которой упоминалось в связи с «делом Александрова», была Елена Добронравова. Из-за слухов, что она якобы участвовала в «министерских оргиях», актриса потеряла выгодную роль: Сергей Юткевич собирался именно ее пригласить сыграть Дездемону в «Отелло». В итоге эту роль сыграла другая молодая актриса – Ирина Скобцева, после чего сразу стала знаменитой.

Что касается Александрова, то его судьба оказалась менее завидной. **18 июня 1955 года** его отстранили от депутатских обязанностей (он депутатствовал с **1946 года**) и отправили подальше от Москвы – в Минск, где Александров получил должность заведующего сектором диалектического и исторического материализма Института философии и права АН Белорус-

сии. Но все эти скандалы не могли не сказаться на его здоровье: в **июле 1961 года** самый скандальный министр культуры СССР скончался в возрасте 53 лет.

«О чем поешь, Ружена?» (Ружена Сикора)

В конце 40-х годов на небосклоне советской эстрады возшла новая звезда – певица Ружена Сикора. По нынешним меркам слава пришла к ней поздно – в **1948 году** Сикоре исполнилось 30 лет, – однако о такой популярности, какая свалилась на эту певицу в те годы, могут только мечтать сегодняшние «звезды». Телевидение тогда в Советском Союзе было еще в зачаточном состоянии, поэтому Сикору знали по ее радиовыступлениям (она была солисткой Всесоюзного радио и выступала с джаз-оркестром А. Цфасмана), узнавая ее голос с первых же тактов. По словам музыковеда Б. Савченко:

«Ружена Сикора являлась тогда звездой первой величины, была в ряду тех, кто утверждал отечественную лирическую песню, мир возвышенной любви и право на личное счастье. „С первым снегом“, „Московские огни“, „Я писать тебе не стану“, „Я жду тебя“, „Воспоминание“ – эти и другие песни благодаря тонкому, проникновенному исполнению Ружены Сикоры находили дорогу к массовому слушателю.

Было у нее все, что бывает у популярных эстрадных исполнителей: и море цветов, и неумеренные восторги поклонников, и фанатики, несущие на руках машину с певицей... Бурные проявления восторга – дело сейчас привычное, но тогда, в дотелевизионную эпоху, популярность дорогого стоила...»

С 1948 года Сикора стала давать сольные концерты, где исполняла песни советских и зарубежных авторов, а также польские, болгарские, чешские, французские, итальянские и другие песни на языке оригинала. Каждую она трактовала по-своему, они становились «песнями Сикоры». Однако именно эта стезя и стала поводом к скандалу, который случился весной **1955 года** – в разгар очередной борьбы с низкопоклонством перед Западом и со стилистами. Тогда Сикору обвинили в пропаганде чуждых советской эстраде песен. Статья называлась хлестко – «Пошлость меняет этикетки» и была помещена в газете «Советская культура» **31 марта**. Автором заметки был редактор стенной газеты филологического факультета МГУ «Комсомолия» Юрий Брагин. Писал же он следующее:

«В последнее время с наших эстрад и из радиорепродукторов часто раздаются итальянские, испанские, мексиканские и прочие песни. Слушая иные из них, люди удивляются: откуда у народных песен явно ненародный привкус? Попробуем внести ясность.

Наш зритель и слушатель любит и уважает эстрадную певицу Ружену Сикору, много сделавшую для пропаганды советской лирической песни и песен братских народов. Но, может быть, артистке неизвестно, что исполняемая ею «Амадо мио» – вообще не песня, и тем более не итальянская? В фильме «Рим в 11 часов» она попала как случайная уличная мелодийка, а до этого была известна как шлягер (боевик) из голливудского порнографического фильма «Джилда»... Известно ли ей, что переводчики обманули ее и «Бесаме мучо» в переводе с испанского означает не «Песня сердца», а «Целуй меня много», что эту бездумную румбу уже сколько лет бренчат джазы Америки и Западной Европы? Известно ли ей, что «народная» песня «Кармела» никогда не была народной песней, что она сочинена одним из джазовых «светил» фашистской Испании?

Уже одни «анкетные данные» этих песен способны помочь понять, как и откуда иногда проникает чуждая нам идеология. Но дело даже не в них, настолько пошлы сами песни, настолько примитивна их «гармония», в которой нет ничего ни от песен итальянских, ни от испанских или мексиканских... Недаром же они стали своего рода гимном стилиста, подбирающих обноски западной «моды». Дружное их мычание «Му-уча!» давно должно было бы подсказать талантливой артистке, кому в концертном зале импонирует этот ее репертуар...»

Отметим, что во многом именно потому, что Ружена Сикора строила свой репертуар на лирике и почти не исполняла гражданственно-патриотических песен, она была удостоена звания народной артистки позже многих своих коллег – уже на шестом десятке лет.

Как артист поборол милиционера (Борис Андреев)

Летом **1955 года** героем громкого скандала стал хорошо известный нам по предыдущему повествованию популярный киноактер Борис Андреев. Во время натурных съемок в Ялте в фильме «Илья Муромец» (Андреев играл главного героя) на съемочной площадке к нему внезапно подошел милиционер и заявил: «Вот ты такой здоровый, Муромца играешь, а на самом деле наверняка слабак. Например, меня побороть не сможешь». И так он это сказал, что в актере внезапно вскипела кровь и он принял этот вызов. Тут же, на берегу моря, они схватились в честном поединке и стали тянуть друг друга к воде. Так длилось несколько минут, пока Андреев не изловчился, перехватил хвастливого стража порядка за талию и, оторвав его от земли, бросил в море.

К сожалению, у этого поединка нашлось немало свидетелей, среди которых оказались и люди, начисто лишенные чувства юмора. Благодаря их стараниям уже на следующий день после этого случая в местной газете появился фельетон, в котором в буквальном смысле говорилось о том, что известный артист настолько потерял чувство меры, что бросает представителей власти в море. Андреев очень обиделся на эту статью. И с тех пор дал себе слово никогда больше в Ялту не приезжать. И слово свое он держал более десяти лет. Однажды в конце 60-х, когда вместе со своими коллегами – артистами он приехал на теплоходе в Ялту, то на берег так и не сошел, предпочтя наблюдать за городом с борта теплохода. Однако в **1970 году** данный обет Андрееву все-таки пришлось нарушить. Причем ради все того же кинематографа. Он тогда был утвержден на роль одноногого пирата Джона Сильвера в фильме «Остров сокровищ», который снимался именно в Ялте.

Как «застрелили» композитора (Исаак Дунаевский)

В конце **июля 1955 года** из жизни ушел знаменитый композитор Исаак Дунаевский. Умер он от гипертрофии сердца у себя дома, однако народная молва сочинила собственную версию: дескать, композитор застрелился, не сумев пережить скандальную историю со своим старшим сыном Евгением, который оказался замешан в криминальной истории с участием «золотой молодежи» (сынков и дочерей известных людей). На самом деле в этой молве правда была тесно переплетена с ложью: например, криминальная история и в самом деле была, однако еще за несколько лет до смерти композитора, и его сын имел к ней лишь косвенное отношение. Впрочем, послушаем рассказ самого отпрыска – Евгения Дунаевского:

«После окончания художественной школы в **1951 году** я поступил во ВГИК на художественный факультет. И **7 ноября** поехал со своими сокурсниками отмечать праздники на дачу во Внуково. А там – ночью, пока я спал, – так называемые друзья выкрали у меня ключи от машины, сели в нее и поехали кататься. А был гололед, ездили они плохо, машина соскользнула с шоссе и разбилась, при этом погибла девушка. (Это была дочь бывшего министра иностранных дел СССР Максима Литвинова. – *Ф. Р.*)

Поскольку машина была оформлена на меня, мне, как морально ответственному, и пришлось за все отвечать – меня исключили из ВГИКа, где я не проучился и двух месяцев.

А на следующий год я поступил в Суриковский институт и после третьего курса в числе лучших студентов поехал от Академии художеств на практику в Сибирь. Мы должны были на ледоколе пройти по Северному морскому пути и отобразить жизнь и быт моряков в своих картинах. Родители провожали меня в конце июня – это были мои последние минуты с отцом, а через месяц он умер. В это время наш корабль затерло во льдах, и, получив радиogramму, выбраться оттуда я не мог. Меня и гидросамолетом пытались снять, но ничего не получилось. Так я не попал на похороны отца. А в Москву вернулся только через две недели после его смерти.

Отсюда и пошел слух о том, что, раз сына на похоронах нет, значит, где-то на Севере срок отбывает. От кого-то я слышал версию, будто меня даже расстреляли! А отец, безумно любивший меня, якобы так переживал и хлопотал, что не выдержал и застрелился! И вот с тех пор я так и хожу под этой сплетней. Всю свою жизнь...»

Сюрприз в кишке (Леонид Утесов)

В 1955 году в эпицентре скандала оказался популярный певец Леонид Утесов. В том году народная молва его «похоронила», приписав ему мучительную смерть от рака. На самом деле никакого рака у артиста не было, а вместо этого врачи обнаружили у него... Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

Слух о смертельной болезни певца запустил некий человек, который всюду рассказывал о том, что артист несколько дней назад умер у него на руках. Видимо, достоверность этой сплетне придавало и то, что именно в тот год Утесов вынужден был на время покинуть оркестр: он заболел и попал в Институт имени Склифосовского. Оперировал артиста известный врач Дмитрий Алексеевич Арапов. Но спустя несколько месяцев после операции врачи внезапно обнаружили у артиста новую напасть – опухоль, и подумали, что это рак. А это оказалась...

Вспоминает очевидец тех событий – врач «кремлевки» П. Мошенцева:

«В один из пасмурных осенних дней в наше хирургическое отделение поступил известный артист эстрады Леонид Утесов. Всегда веселый, жизнерадостный, Леонид Осипович в этот раз был не на шутку встревожен. Конечно, к врачам, да еще к хирургам, приходят не на бал. Это всем известно. Однако Утесов и в больнице оставался артистом, старался быть спокойным, уравновешенным и даже шутил. Но нас, „асов хирургии“, не проведешь. В его глазах мы читали тревогу и страх. Неудивительно: накануне по Москве прошел слух, что у Утесова обнаружен рак толстой кишки. Конечно, этот слух дошел и до него.

Действительно, в поликлинической истории болезни имелась запись рентгенолога, указывающая на наличие у больного опухолевидного образования, расположенного в самом перегибе сигмовидной кишки, что вызывало частичную кишечную непроходимость. Заключение: опухоль толстой кишки. При первом осмотре общее состояние больного было удовлетворительным. Но в левой половине живота отчетливо прощупывалось плотное образование.

Мы, врачи, как могли успокаивали Утесова. Но вряд ли нам удалось рассеять его худшие подозрения. Операция была неизбежна, больного стали готовить. Пригласили самого известного хирурга из Института им. Склифосовского, нашего постоянного консультанта профессора Розанова Бориса Сергеевича.

И вот наступил день операции. Под обширным наркозом была вскрыта брюшная полость и, как и предполагалось, сразу же в сигмовидной кишке мы обнаружили плотное опухолевидное образование. Успокаивало лишь то, что в брюшной полости мы не увидели метастазы. Приступили к резекции кишки вместе с опухолью. Операция прошла довольно быстро и без осложнений. Далее наступал черед исследования самой опухоли. Обычно это происходило в предоперационной комнате. Перед тем как отправить «препарат» (удаленную часть кишки вместе с опухолью) на исследование, необходимо было рассечь саму кишку. И тут нас подстергало нечто из ряда вон выходящее. Скальпель хирурга коснулся чего-то необычайно плотного. Не может быть, что это опухоль! Исследуем дальше. И что же видим? Обыкновенную куриную ногу. Да, да – это была куриная нога, только без лапки.

Во время всего напряженного осмотра в предоперационной стояла мертвая тишина. Но когда вместо опухоли врачи и сестры увидели куриную ногу, раздался неудержимый хохот... Смеялись все: от нянечки до профессора.

Как мы были рады своей ошибке! Во-первых, операция прошла успешно, во-вторых, и самое главное, никакого рака у Утесова не было! Знаменитый артист, видимо, забыл, как на одном из увеселительных вечеров, будучи под хмельком, незаметно проглотил почти целую куриную ногу...»

Поэт в кольце завистников (Алексей Фатьянов)

Знаменитого поэта Алексея Фатьянова (стихи к песням «Соловьи», «Потому, что мы пилоты», «Весна на Заречной улице», «В городском саду играет...», «За Рогожской заставой» и др.) скандалы сопровождали на протяжении всей его недолгой жизни. Достаточно сказать, что из-за них его исключали из Союза писателей несколько раз. Причем причины этих исключений были высосаны из пальца и объяснялись только одним: завистью коллег к той славе, которую Фатьянов имел в народе. Не могли ему простить коллеги того, что люди называли его вторым Есениным. Потому и книг его не печатали и при любой возможности пытались выставить поэта в неприглядном виде. Вот лишь два примера такого рода.

Фатьянов в компании с одним писателем отправились с творческой поездкой в Севастополь, к морякам. Съездили в одну войсковую часть, в другую, в третью. Наконец, в последний день их пребывания в городе устраивается прощальная встреча в Доме культуры. Фатьянов приехал туда навеселе, но был вполне адекватен. Во всяком случае, он легко справился с творческой частью, прочитав более двух десятков своих стихотворений. Потом сказал: «Ребята, я готов прочитать еще, но мне надо уезжать». А директор Дома культуры, политработник, расценил это заявление как чванство и немедленно сообщил об этом в Москву, не забыв указать о том, в каком состоянии был Фатьянов. В итоге едва тот вернулся в Москву, как его вызвали на партком и объявили вердикт: исключение из Союза писателей на три месяца. Была тогда такая мера наказания: писателей исключали временно, давая время для исправления.

Другой случай произошел через несколько лет. Вместе с друзьями Фатьянов праздновал какое-то событие в гостинице «Савой». Шумная компания собралась в номере композитора Табачникова и вела себя соответственно: пела, смеялась, громко разговаривала. Дежурная по этажу отправилась их усмирять. В качестве парламентария выступил Фатьянов, который назвался ни много ни мало депутатом Верховного Совета. Но дежурная ему не поверила, стала проверять и... правда вскрылась. На следующий день в Союз писателей пришла соответствующая бумага. В результате на Фатьянова было заведено очередное персональное дело. Его опять исключили из Союза писателей, аннулировали даже уже выписанную ему путевку в Крым, куда он собирался отправиться с женой и детьми. Сказали: «Фатьянов разлагает писателей».

В последний раз Фатьянова исключают из Союза писателей в начале **1959 года**. А спустя полгода он скончается в возрасте 40 лет. При этом даже после смерти поэт не знал покоя. В Союзе писателей откажутся проводить панихиду, мотивируя это тем, что незадолго до смерти покойный в очередной раз оказался исключенным из союза. Тогда композитор Василий Соловьев-Седой, который написал с Фатьяновым не один шлягер, пригрозит скандалом и заявит, что похороны возьмет на себя Союз композиторов. Только после этого руководство писательской организации одумается.

1958

Как убрали Эдика (Эдуард Стрельцов)

В конце 50-х годов в Советском Союзе не было популярнее футболиста из плеяды молодых, чем игрок столичного «Торпедо» **Эдуард Стрельцов**. На футбольном поле он творил чудеса, после чего о нем взахлеб писали газеты, а толпы поклонниц буквально преследовали молодое дарование по пятам. На этой почве у парня элементарно закружилась голова. Что неудивительно, ведь к моменту, когда на Стрельцова обрушилась всенародная слава, ему было всего лишь 19 лет. Мало кто из его сверстников смог бы устоять от соблазнов, которые открывает перед ними такая популярность. Не стал исключением и наш герой.

Когда он впервые перешагнул порог команды «Торпедо», на нем был старенький ватник, а в руке деревянный чемодан. К **1957 году** он получил от команды отдельную квартиру в новом доме на Автозаводской улице, стал прилично зарабатывать, женился (в этом браке у него родилась дочь). Одевался Стрельцов стильно, на голове соорудил модный кок. В общем, пижонил. Футболисты в те годы считались популярными личностями, многие из них были вхожи в артистическую богему. По словам самого Стрельцова, его никогда не тянуло в эту компанию, хотя со многими популярными артистами он был знаком (например, с Петром Алейниковым, Владимиром Земляникиным, Анатолием Папановым и др.).

Нарушения режима или пьянки у Стрельцова в те годы случались, причем в период с **апреля 1957 по январь 1958 года** он несколько раз задерживался милицией за хулиганство на улице. Вот краткий перечень «подвигов» молодого футболиста:

14 апреля 1957 года Стрельцов учинил драку во Дворце культуры завода имени Лихачева. Когда его попытались утихомирить, то он еще более распоясался, ругался и кричал, что стоит ему только позвонить директору завода Крылову...

В ночь с **8 на 9 ноября** того же года Стрельцов напился и стал ломиться в дверь семьи Спицыных по адресу Крутицкий вал, дом № 15. Испуганные соседи по телефону вызвали милицию, и дебошира увезли в 93-е отделение милиции. Но и там он не успокоился: всю дорогу ругался и грозился пожаловаться куда следует.

Самое удивительное, что обо всех этих проступках футболиста знали руководители команды «Торпедо», однако серьезных мер в отношении провинившегося не принимали. Почему? Здесь два объяснения: или боялись его нервной реакции на это, или просто потворствовали восходящей звезде. Его прощали даже тогда, когда он чуть ли не срывал запланированные футбольные матчи. В конце **ноября 1957 года** он вместе с Валентином Ивановым опоздали на поезд Москва – Берлин, и сборная команда СССР без них уехала на отборочную игру с командой Польши (тогда решалось, кто из них поедет на чемпионат мира в Швецию). Начальник управления футбола Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту Валентин Антипенко бросился звонить в «Скорую помощь», думая, что оба футболиста угодили в аварию. Как вдруг Стрельцов и Иванов объявились в вокзальных дверях. Правда, вид у обоих был достаточно помятый. Было видно, что день накануне они провели отнюдь не в библиотеке. Однако устраивать «разбор полетов» не было времени, и Антипенко снарядил погоню: усадил футболистов в машину и приказал водителю догонять поезд.

Через полтора часа бешеной гонки автомобиль обогнал-таки поезд у города Можайска. Но на вокзале вдруг выяснилось, что состав там не останавливается. И как Антипенко ни уговаривал начальника вокзала, тот нарушать график наотрез отказался, что было вполне объ-

яснимо, – за такие «шалости» в те годы можно было враз в тюрьму угодить. Тогда Антипенков напрямую звонит в Министерство путей сообщения и выходит на одного из заместителей министра, который был ярим футбольным фанатом. Узнав, что в его помощи нуждается национальная сборная, он отдает распоряжение начальнику состава притормозить движение поезда у вокзала. В итоге Стрельцов и Иванов догоняют-таки свою команду. После этого происшествия оба провинившихся чувствовали себя виноватыми перед командой и горели желанием на поле загладить свою вину. И им это удалось. Стрельцов, например, несмотря на травму ноги, умудрился сделать голевую передачу и забить один гол. Благодаря этому наши тогда и победили.

Все вышеперечисленные проступки не делали чести спортсмену, однако в какой-то мере были объяснимы: «звездная» болезнь для девятнадцатилетнего парня – дело обычное. Выросший без отца, Стрельцов так и не сумел найти достойную замену ему – старшего товарища, который своим авторитетом сумел бы остановить его от скатывания в пропасть.

Между тем в начале **1958 года** Стрельцов опять угодил в эпицентр громкого скандала. В воскресенье **26 января** в состоянии алкогольного опьянения он учинил новую драку: возле станции метро «Динамо» подрался с неким гражданином Ивановым. Его вновь схватила милиция, и он опять оказал ей сопротивление. За это он был привлечен к ответственности по Указу от **19 декабря 1956 года** «Об ответственности за мелкое хулиганство» и получил наказание в виде трех суток содержания под стражей. Этот инцидент стал поводом к широкомасштабной атаке на Стрельцова в СМИ. Говорят, руку к этому приложили недоброжелатели «Торпедо» из других именитых клубов, которым Стрельцов своими «художествами» здорово помог. Когда-то эти люди предлагали Стрельцову перейти в их клубы, а он послал ходоков куда подальше. Вот они и припомнили молодой звезде этот отказ. Заручившись поддержкой на самом «верху» (у этих команд кураторы всегда были весьма влиятельные), они дали отмашку долбануть по молодой звезде со страниц печати.

2 февраля 1958 года в «Комсомольской правде» была опубликована большая статья популярного фельетониста Семена Нариньяни «Звездная болезнь», в которой тот тяжелым катком прошелся по Стрельцову, вспомнив зараз если не все, то многие из его прошлых прегрешений. В частности, свою статью Нариньяни начал с ноябрьского инцидента, когда Стрельцов и Иванов опоздали к поезду, который уезжал на игру с поляками. Далее фельетонист писал следующее:

«Эдуарду Стрельцову всего двадцать лет, а он ходит уже в „неисправимых“. Не с пеленок же Эдик такой плохой? Нет, не с пеленок. Он не курил, не пил. Краснел, если тренер делал ему замечание. И вдруг все переменилось. Эдик курит, пьет, дебоширит. Милый мальчик зазнался. Уже не тренер „Торпедо“ дает ему указания, а он понукает тренера. Кто в этом виноват? В первую очередь сам тренер. Тренер не только технорук команды – он воспитатель. Ну а какой же Маслов воспитатель, если он боится сделать Стрельцову замечание.

– Помилуй боже, разве можно. Стрельцов и Иванов – наши звезды!

И какой только умник внедрил эту голливудскую терминологию в наш спортивный лексикон!

Ну а раз Стрельцов звезда, то с него начинают сдувать пылинки. И делает это не только тренер Маслов, но и всякие меценатствующие лица с автомобильного завода имени Лихачева. Команда возвращается из очередной поездки. Все игроки едут с вокзала в автобусе, а Стрельцову и Иванову подают «ЗИЛы». Что это, как не развращение нравов?

Портят мальчишек, однако, не только высокоответственные меценаты. Три месяца назад Стрельцов попал в больницу. Его пришла навестить мать. И мать принесла сыну не фрукты, не книги, а бутылку водки.

Врачи отобрали у мамы бутылку:

– Не портьте парня. Пристрастится Эдик к водке – сами плакать будете.

А мать, вместо того чтобы прислушаться к словам врачей, шепнула сыну:

– Спусти бинт в окошко, я тебе с улицы подарок пришлю.

И прислала: вместо одной бутылки – две. А на Эдика водка действует одуряюще. Выпита всего стопка, и перед нами уже не милый, славный парень, а драчун и забияка. Вот и на этот раз попробовал Эдик мамино подарочка и начал куролесить. Врачи, больные хотят его уговорить, а он на них с кулаками:

– Не мешайте моему куражу!..

От легких наград наступает быстрое пресыщение.

– Я всего уже достиг, все испытал, изведаль. Я ел даже салат за 87 рублей 50 копеек.

И вот такой пресыщенный вниманием молодой человек начинает забываться. Ему уже наплевать на честь спортивного общества, наплевать на товарищей. Он уже любит не спорт, а себя в спорте. Он выступает в соревнованиях не как член родной команды, а как знатный гастролер на бедной провинциальной сцене. Товарищи стараются, потеют, выкатывают ему мячи, а он кокетничает. Один раз ударит, а три пропустит мимо.

– Мне можно. Я звезда...

Тлетворное влияние «звездной» болезни коснулось не только Стрельцова и Иванова. Спросите спартаковцев, почему они провели прошлый сезон ниже своих возможностей, и футболисты скажут вам прямо:

– Кроме неполадок в защитных линиях, в этом немалую роль сыграли Исаев и Татушин.

Эти два молодых спортсмена тоже почувствовали признаки пресыщения. Они тоже, оказывается, уже отведали свою порцию салата за 87 рублей 50 копеек...

В прошлое воскресенье (**26 января**. – Ф. Р.) какие-то новоявленные купчики не то из «Скупки», не то из ларька «Пиво-воды» решили устроить пирушку и пригласили в качестве почетного гостя Стрельцова. Футбольная звезда должна была заменить за столом традиционного свадебного генерала. И хотя никто из приглашавших не был знаком Стрельцову, он принял приглашение, выпил, поскандалил и закончил вечер в милиции.

Терпение игроков сборной команды лопнуло, и они собрались позавчера для того, чтобы начистоту поговорить со своим центральным нападающим. Возмущение спортсменов было всеобщим. Футболисты вынесли единодушное решение – вывести Стрельцова из состава сборной команды и просить Всесоюзный комитет снять с него звание заслуженного мастера спорта. И была у игроков сборной еще и вторая просьба, так сказать неофициальная, и уже не к Всесоюзному комитету, а к нам, фельетонистам: рассказать в газете, в профилактических целях, о людях, зараженных микробом «звездной болезни». И вот, внимая этой просьбе, мы взялись за перо...

Вы спросите, что же это – конец, закат центра нападения?

Все зависит от самого «центра». Товарищи оставили ему возможность для исправления. Они сказали Стрельцову:

– Начни-ка, друг Эдик, все сначала. Поиграй в клубной команде. Наведи порядок в своем быту, в своей семье. Докажи, что ты серьезно осознал свои проступки не на словах, а на деле, и, может быть, мы снова поставим тебя центром нападения в сборной. Но поставим не сегодняшнего Стрельцова – дебошира и зазнайку, а того молодого – чистого, честного, скромного».

На момент выхода статьи «Звездная болезнь» Стрельцова в Москве не было – он был в Сочи. Однако статью он, естественно, читал и воспринял ее крайне болезненно. Даже прислал в редакцию письмо, где просил не судить его слишком строго и обещал исправиться. Но, увы, хватило его ненадолго. Минуло всего пять месяцев с момента выхода статьи, как Стрельцов оказался в эпицентре еще более громкого скандала.

28 мая он, возвращенный в ряды сборной команды страны, должен был выехать на чемпионат мира в Швецию. Однако за три дня до отъезда Стрельцов в компании своих товарищей по сборной едет отдыхать на одну из подмосковных дач и там совершает насилие над девушкой.

кой. Потом будут много говорить о том, что никакого насилия не было, что вся эта история была кем-то умело подстроена, но факт остается фактом: девушка, с которой Стрельцов провел ночь, обвинила его в изнасиловании и потребовала привлечь к ответственности. Недруги Стрельцова снова торжествовали: не воспользоваться таким подарком было с их стороны просто неразумно.

22 июня в той же «Комсомольской правде» была опубликована еще одна разгромная статья про Стрельцова. Она называлась «Еще раз о „звездной болезни“ и принадлежала перу журналистов Николая Фомичева и Ильи Шатуновского. Поскольку в те дни Стрельцов уже сидел в СИЗО и ждал суда над собой, церемониться с ним было необязательно. Вот с ним и не церемонились. Цитирую:

«Человек-то Стрельцов был серый, недалекий. Его некомпетентность в самых примитивных вопросах вызывала изумление и улыбки у товарищей по команде. Он искренне считал, что Сочи находится на берегу Каспийского моря, а вода в море соленая оттого, что в ней плавают селедки.

Чему тут особенно удивляться: за все время пребывания в команде он окончил лишь одно учебное заведение – курсы шоферов, да и то по необходимости: меценаты помогли приобрести «Победу»...

В январе этого года «выдающийся», «исключительный» опять соприкоснулся с органами власти по той простой причине, что, напившись пьяным, он никак не мог попасть в метро. Центру нападения дежурный сделал от ворот поворот. Тогда центр набросился на первого подвернувшегося прохожего. В качестве оружия он использовал свое удостоверение заслуженного мастера спорта: именно этим документом он наносил прохожему удары по лицу.

Кончилось это, конечно, тем, что Стрельцов был препровожден в милицию. Но и здесь он продолжал драться и сквернословить. Словом, действия центра, как это было зафиксировано в протоколе, подпали под статьи Уголовного кодекса.

Но не успел Стрельцов оказаться в милиции, как в кабинете начальника отделения начал беспрерывно трезвонить телефон:

– Вы знаете, кого вы задержали? Это ведь Стрельцов, наш лучший футболист! Не делайте, ради бога, шуму!..

Толпа заступников устремляется в суд, не понимая того, что защищать-то надо советский футбол, а не пьяниц.

– Пожалейте Стрельцова. Ведь ему скоро играть.

Защитники Стрельцова наступают широким фронтом, они атакуют судью и в устной, и в письменной форме. Отношение в суд посылает Всесоюзный комитет по физкультуре и спорту: на суде в роли адвокатов выступают такие авторитетные в спорте люди, как М. Якушин. Цель у всех одна: выгородить хулигана...

Меценатствующий судья 1-го участка Ленинградского района пишет в приговоре: «Принимая во внимание, что он уезжает с командой, суд считает возможным применить к нему минимальную меру наказания». И Стрельцов получил всего лишь трое суток ареста.

Но выехать на игру с командой ему все-таки не удалось. Стрельцов по настоянию игроков сборной был выведен из сборной...

Фельетон «Звездная болезнь», опубликованный в нашей газете, меценатствующие руководители завода встретили с искренним негодованием. Тот же Фатеев (один из руководителей завода имени Лихачева. – Ф. Р.) запретил заводской многотиражке перепечатать фельетон, касающийся завода. Вскоре журнал «Спортивная жизнь России» поместил карикатуру на Стрельцова. Тут уже не выдержал председатель завкома Г. П. Софонов. Он позвонил в редакцию и выразил свое возмущение. Аргументация Софопова выглядела весьма странной. По его словам, печать мешает ему воспитывать «выдающегося» и «исключительного».

После выступления «Комсомольской правды» Стрельцов прислал с юга покаянное письмо в редакцию. На бумаге он признавал свои ошибки.... а на деле, оказывается, продолжал безобразничать. Стрельцов участвовал в попойке в Сочи, вслед за этим напился в Кишиневе. Все это происходило на глазах у начальника команды Ястребова, тренера Маслова и одного из самых рьяных меценатов – заместителя председателя завкома Платова, путешествовавшего в роли наблюдателя вместе с командой по южным городам...

Стрельцов превращался в социально опасный элемент, а восторженные меценаты курили ему фимиам...

Мы спрашиваем у Софонова, с какой стати Стрельцов, имея двухкомнатную квартиру, получил новую. Разве молодым рабочим в двадцать лет автозавод дает отдельные квартиры?

– Ну что же сравнивать Стрельцова с рядовыми рабочими! – возмущается Софонов. – Стрельцов выдающаяся личность. Мы хотели помочь ему наладить нормальные отношения с женой.

Но Стрельцов выгнал жену с грудным ребенком на улицу, как только вселился в новую квартиру: ведь жена решительно протестовала против пьянства и дебоширства своего супруга.

– Ну выпивал Эдик, – говорит Софонов. – Что ж тут особенного?

После таких рассуждений председателя завкома нам становится еще понятнее, почему так трагически закатилась «футбольная звезда»...

Суд над Стрельцовым состоялся в конце **июля 1958 года** в здании Московского областного суда. У большинства присутствовавших на нем в начале процесса была еще надежда на то, что правосудие будет снисходительным по отношению к восходящей звезде. Но это было заблуждением, поскольку «наверху» все уже было давно решено, на что указывала та волна в печати, которая поднялась в те дни. Как итог, **24 июля** был оглашен приговор, где указывалось, что, согласно Указу от **4 января 1949 года** «Об усилении уголовной ответственности за изнасилования», Э. А. Стрельцов осуждался на 12 лет лишения свободы. Когда этот приговор был оглашен, подсудимый в сердцах заявил: «Предлагали мне остаться во Франции, но я не захотел. А жаль!..» Сразу после приговора его первая жена подала на развод.

Стрельцов освободится в **1963 году**. Причем на свободу выйдет уже другим человеком. Во всяком случае, отныне «звездных» закидонов за ним наблюдать уже не будет. Стрельцов вновь женится, и в этом браке у него родится сын Игорь. Тогда же Стрельцов начнет играть за цеховую футбольную команду и за первую мужскую «Торпедо». В **1965 году** он вернется в состав основного «Торпедо». Стоит отметить, что это будет беспрецедентный случай в истории отечественного футбола: еще никто из советских игроков не возвращался в большой футбол после шестилетнего перерыва. Стрельцову это удастся, более этого – его и в национальную сборную вновь станут приглашать. Так будет продолжаться до **1970 года**, когда великий футболист навсегда повесит бутсы на гвоздь.

«Тузик в обмороке» (Клавдия Шульженко)

Выдающаяся советская эстрадная певица Клавдия Шульженко, слава которой началась в конце 20-х, в 50-е годы продолжала оставаться на вершине эстрадного Олимпа. Она много гастролировала и записывала новые песни, которые тут же выходили на фирме грамзаписи и мгновенно разлетались по стране. Так, в **1952 году** ее пластинка «Голубка» разошлась рекордным тиражом в 2 миллиона экземпляров. Год спустя Шульженко снялась в музыкальном фильме-ревю «Веселые звезды», в котором исполнила одну из самых любимых своих песен – «Молчание» И. Дунаевского и М. Матусовского.

Не стояла на месте и личная жизнь певицы. В **1955 году** певица развелась с Владимиром Коралли (они прожили больше 20 лет) и два года спустя вышла замуж за человека, который был на 13 лет ее моложе – за 39-летнего Георгия Епифанова. Именно в это время с Шульженко и случился один из самых громких скандалов в ее творческой карьере. А виновником его стал... тибетский терьер певицы.

В тот день, когда Шульженко собиралась отправиться на концерт, пес внезапно выскочил в раскрытую дверь и умчался на улицу. И там немедленно угодил под колеса автомобиля. Принеся окровавленное животное домой, певица вызвала ветеринаров. Те осмотрели животное и констатировали, что дело серьезное и ситуация из разряда «фифти-фифти» – то ли выживет, то ли нет. Естественно, ни о каком концерте певица тогда и слышать не хотела, чтобы не оставлять песика одного. Поэтому она попросила своих знакомых оповестить дирекцию клуба имени Зуева об отмене концерта. Там же восприняли эту новость весьма болезненно, поскольку это уже был не первый скандал, связанный с Шульженко, – до этого она еще дважды срывала концерты. В итоге администрация клуба написала письмо в горком партии. И там приняли решение хорошенько «пропесочить» зазнавшуюся «звезду». Как итог **29 мая 1958 года** «Московская правда» опубликовала на своих страницах фельетон Юрия Золотарева под весьма хлестким названием «Тузик в обмороке». Привожу его полностью:

«Тот, кто думает, что у администраторов легкая жизнь, глубоко ошибается. Достаточно сказать, что часы „пик“ для них наступают как раз тогда, когда вы, придя с работы, уже отдыхаете. Тысячи забот одновременно сваливаются на голову администраторов театра или клуба. Кому-то не хватило места. Кто-то, потрясая удостоверением, требует контрамарку для себя, дочери и тещи...

Но вот, наконец, все улажено, и администратор, опускаясь в кресло, облегченно вздыхает:
– Ф-фу! Наконец-то!

И в этот момент раздается телефонный звонок:

– Это клуб? Говорят из ВГКО (Всесоюзное гастрольно-концертное объединение. – Ф. Р.).

Клавдия Ивановна Шульженко просила вас передать, что она не придет.

У администратора от испуга округляются глаза:

– То есть как – не придет? Концерт ведь давно объявлен, и билеты все проданы!

– Немедленно отмените концерт!

– Помилуйте, почему?

– Серьезное заболевание.

– У Клавдии Ивановны?

– Нет, у Тузика.

«Одно из двух, – думает бедняга-администратор, – или я переутомился, или меня разыгрывают».

Он трясет головой, щиплет себя за руку и жалобным голосом просит:

– Скажите, ради бога, толком: в чем дело?

– Я же вам объясняю. У Клавдии Ивановны захворала собака. Всю ночь певица рыдала над ней. И теперь не в голосе. (Как видим, в фельетоне ничего не говорится о подлинной подоплеке событий: о том, что собака попала под машину и умерла. – *Ф. Р.*)

Администратор хочет что-то крикнуть в трубку, но чувствует, что и он – не в голосе.

– Собачья жизнь, – бормочет он и, отчаянно размахивая руками, бросается разыскивать клубное начальство.

Битый час администратор, заместитель директора и директор хором уговаривают Шульженко:

– Не подведите нас. Вашими афишами оклеены все стены клуба. Народ ждет. Народ хочет слушать песни любви...

Но Клавдия Ивановна непреклонна:

– И не просите. Прежде всего – любовь к Тузику. А у него катастрофически поднимается температура. Я боюсь, что не переживу этого...

В доме у Шульженко – переполох. Больного пса поят валерьянкой и кладут ему на брюхо компрессы. Но еще больший переполох в клубе. Как быть? Повесить объявление: «В связи с болезнью собаки Шульженко концерт отменяется»? Даже самый плохой конференсье не решился бы так плоско остричь.

В последний момент выручает кино. И вот зрители, вместо того чтобы слушать новые эстрадные песни, смотрят старую картину о цирке «Борец и клоун» (фильм, кстати, не старый – вышел меньше года назад. – *Ф. Р.*). И как раз в этой картине рассказывается о том, как артист Дуров, у которого умирает сын, поборов себя, выходит на арену и смешит публику.

Конечно, сейчас не то время. Но ведь и ситуация совсем не «дуровская». Случись у Шульженко что-нибудь серьезное, тогда другой разговор. Но – Тузик?

– Да-да, Тузик, – твердила Клавдия Ивановна по телефону. – Собака – друг человека!

Правильно – друг. Мы не меньше Шульженко любим четвероногих. Но ведь и артист должен быть настоящим другом тех, перед кем выступает...

Понимает ли Шульженко свою ответственность перед зрителем? Видимо, нет. Иначе чем объяснить ее поведение?

В этом клубе она срывает за последнее время третий концерт. Может быть, клубу просто не везет? Мы позвонили в другой, и нам ответили:

– Только в апреле Шульженко сорвала у нас два концерта.

– Почему?

– Капризы. То у нее плохое настроение, то ей нездоровится...

И вот теперь нездоровится уже не Клавдии Ивановне, а ее собаке.

– Клавдия Ивановна, приезжайте!

– Не могу. Тузик в обмороке.

Шульженко недаром носит звание заслуженной артистки. Она, действительно, популярна в народе, перед ней гостеприимно распахиваются двери клубов и концертных залов. Как поется в песне:

Для нашей Челиты
все двери открыты...

Но эти двери в один прекрасный день могут и захлопнуться, если Шульженко свое появление на сцене будет ставить в зависимость от состояния здоровья незабвенного Тузика».

Как же отреагировала на эту публикацию великая певица? Естественно, она жутко расстроилась, причем огорчение было двойным – ее песик так и не выжил. О состоянии певицы в те дни рассказывает ее биограф В. Хотулев:

«Как ни скрывали от Шульженко появление фельетона, нашлись доброхоты, сообщившие ей „прискорбную весть“. Вскоре из командировки примчался Епифанов (возлюбленный певицы. – *Ф. Р.*). Шульженко лежала в постели и не могла говорить. Врачи обнаружили у нее несмыкание связок, возникшее на нервной почве. Два месяца она вообще молчала. Потом стала говорить малыми дозами, и то шепотом...

В течение года Шульженко не выходила на эстраду. Одно время она решила – с концертами покончено раз и навсегда. И если бы не Епифанов, очевидно, так бы и произошло. Он оказался прекрасным, надежным другом, помощником. Благодаря ему Шульженко медленно приходила в себя после майского потрясения.

...Спустя много лет, уже в начале семидесятых, в квартире Шульженко раздался телефонный звонок. Трубку сняла Клавдия Ивановна. Мужчина стал сбивчиво говорить, что он страшно виноват перед ней, что хочет прийти и объясниться. Шульженко согласилась его принять. Это был уже пожилой человек, фельетонист Золотарев. Он пришел с огромным букетом роз и с порога встал перед Шульженко на колени. Он сказал, что только после того, как погибла его собака, он понял, что произошло с Клавдией Ивановной в тот злополучный майский день 58-го года. Шульженко, как и всегда, была милостива и великодушна...»

Стиляги-3

В 1958 году исполнилось почти десять лет, как советская печать официально упомянула на своих страницах про такое явление, как стиляги («Крокодил», 1949, № 7). Потом про них писали многие советские издания, однако несмотря на все старания прессы, искоренить это явление так и не удалось. Более того, после Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, который проходил в Москве летом 1957 года, ряды стиляг стали стремительно расти. В итоге в следующем году против них началась новая массированная атака. Особенно много публикаций на эту тему было в главной молодежной газете страны «Комсомольской правде».

Началось все 9 июля 1958 года, когда была напечатана большая статья «Отступник – так он называется», принадлежащая перу Н. Александровой и Л. Почивалова. В нем стиляги разоблачались по полной программе, а гвоздем публикации было письмо одного из них, которое каким-то неведомым путем попало в руки журналистов. Его автор – некий Вячеслав Воломенко, уже два года живущий в Москве, – отправил его в Магадан своему другу, но письмо не нашло адресата и вернулось обратно в столицу. На почте его распечатали, после чего, видимо, решили отправить в газету. Вот его текст с небольшими сокращениями:

«Серж, привет!

Как я уже тебе писал, я завалился в Авиационном. Потом работал 4 месяца, сейчас не работаю и не учусь. Сажу дома, готовлюсь к экзаменам. Думаю еще раз попробовать поступить. Занимаюсь только днем. Ну а вечером... Серж! У меня нет слов, чтобы в письме все описать. (Приедешь, сам все увидишь.) У нас здесь подобралась компания – четыре человека и четыре чувихи. На нашем жаргоне – значит девочки. Мы придерживаемся свободы морали. Девиз: «Спешите жить!» Никаких политических целей мы не преследуем, но чисто моральные. А именно: у нас каждый развлекается, как хочет: хочет – утопает в вине, хочет – безумствует в рок-н-ролле, хочет – предается любовным наслаждениям. Если ты будешь in Moskou, то вместе со мной узнаешь жизнь в самых тонких ее формах.

Серж! В письме очень трудно все описать, особенно языком литературным, я привык к дикому жаргону.

Но все это детали. Если хочешь, то о модах. Сейчас жарко, в моде ковбойки на выпуск и так называемые рекламные рубашки. Пестрые галстуки отошли в предание, их носят только деревенские. В большой моде узконосые штиблеты, у меня есть английские, замшевые, дико остроносые, но думаю продать, так как туго с башлями (деньгами). В моде короткие пальто и плащи. Из лабы (музыки) – это рокки (рок-н-ролл), и как танец он тоже в моде кой у кого. Многие вещи заграничные из нейлона – от шуб для леди до плащей и рубашек, но они дороги. В августе, говорят, будет панамериканская выставка, тогда сделаем колоссальный бизнес. (Может быть, будем делать вместе?) Очень много иностранцев, очень легко достать что-либо у них, так как они нуждаются в русской валюте. Вся Москва пьет только чешское и немецкое пиво. «Шестигранник» (танцплощадка в Парке культуры и отдыха имени Горького. – Ф. Р.) давно открыт. Я уже был там несколько раз. Надо завязывать знакомства. Ну, Серж, всего не опишешь. Да и жидкость в ручке кончилась...

Приезжай, Серж. Найдем тебе фирменную девочку, научим лабать рок, станешь человеком, приезжай».

Далее авторы статьи комментировали это послание следующим образом:

«Письмо неплохо приоткрывает душу под модной „рекламной“ рубашкой. Разве в письме Воломенко есть что-либо по-настоящему достойное советского молодого человека? Человека знаний? Человека труда? Богатых и ярких чувств? Стремлений? Наследника человеческой культуры? Так и представляешь себе этого типа кривляющимся в рок-н-ролле, пьяно разва-

лившимся за ресторанным столиком, униженно выстаивающим где-то около гостиницы, чтобы сделать свой „бизнес“ с непривередливым приезжим бизнесменом...»

До конца **1958 года** в «Комсомолке» появилось еще несколько разоблачительных статей против стилиг. Так, **5 октября** это была публикация «Какой ширины шить брюки?», **8 октября** – «Когда под ногами горит земля». В последней статье рассказывалось о нешуточных страстях, разгоревшихся вокруг стилиг в городе Виннице. Там правоохрнительными органами была разоблачена целая организация стилиг, в штаб-квартире которых были найдены крамольные вещи: порножурналы, холодное оружие.

Между тем и другие средства массовой информации Советского Союза не жалели стилиг. В популярном журнале «Юность» тоже появилось несколько публикаций на эту тему. В одной из них приводилось письмо 16-летнего жителя Сочи, в котором тот сообщал: «Я презираю стилиг, ибо в большинстве своем это пустые и легкомысленные люди, которые за неимением других средств выделиться, таких, как наличие глубокого ума, целеустремленность, веселый характер и пр., нашли выход в одежде...»

И все же, как ни старалась печать, однако стилиги в Советском Союзе не переводились, более того – их становилось больше. Из ныне известных людей в их рядах в те годы (конец 50-х) побывали: Василий Аксенов, Михаил Козаков, Андрей Тарковский. О последнем вспоминает его сестра Марина:

«Андрей был стилигой, как сказал один из его одноклассников, первого набора: увлекался джазом, который был запрещен в Советском Союзе, соответственно одевался. Это был, конечно, в какой-то мере протест против серости, однообразия – в одежде, мышлении и т. д. Были группы молодежи, которые дружили и одинаково одевались, носили одинаковые прически, слушали одинаковый джаз... Это было опасно. Стилиг ловили, сажали в кутузку, разрезали узкие брюки...»

Как уже писалось выше, в наши дни стилиги стали полновластными хозяевами жизни. Они «гламурят» на всех модных тусовках, их жизнь описывают практически все печатные СМИ, от которых не отстают и телевидение. Там у нынешних стилиг есть свои полпреды вроде Ксюши Собчак и Сергея Зверева. А людей знаний и труда сегодня почти никто не пиарит, поскольку не ради них Борис Ельцин забирался в 91-м на танк и провозглашал «демократию».

Бюрократы против Гайдая («Жених с того света»)

Свою карьеру на ниве кинокомедии легендарный кинорежиссер Леонид Гайдай начинал со скандала. Причем скандал был таким грандиозным, что едва не стоил Гайдаю карьеры. Дело было так.

После того, как в **1956 году** Гайдай снял свой дебютный фильм «Долгий путь» (вместе с В. Невзоровым), на него обратил внимание мэтр советского кинематографа Михаил Ромм. Несмотря на то что дебют Гайдая не имел никакого отношения к комедии, Михаил Ильич разглядел в начинающем режиссере талант комедиографа и посоветовал ему работать в веселом жанре. В те годы Ромму разрешили создать на «Мосфильме» собственную мастерскую, и он предложил Гайдаю снять в ней свою первую комедию. Это был «Жених с того света», где в главных ролях снялись Ростислав Плятт и Георгий Вицин.

Сюжет фильма был такой: руководитель некоего учреждения под названием КУКУ Петухов (Плятт) уходит в отпуск, оставляя своим заместителем Фикусова (Вицин). Однако по дороге на отдых у Петухова вор-карманник крадет бумажник с документами, после чего погибает под колесами автомобиля. Естественно, найдя при нем документы, удостоверяющие личность, все думают, что погиб именно Петухов. В КУКУ готовятся грандиозные похороны «руководителя». В разгар их подготовки в учреждении объявляется живой и невредимый Петухов. Но Фикусов, следуя заповедям своего начальника-бюрократа, требует доказать, что выдающий себя за Петухова человек на самом деле Петухов. И тот вынужден отправиться в путь по инстанциям в целях получения оных документов.

Фильм получился остро сатирическим, едко и зло высмеивающим бюрократов. Но именно эта сатира и не понравилась министру культуры Н. Михайлову. Вызвав к себе Ромма, он с нескрываемым раздражением заявил: «Теперь-то мы знаем, чем вы занимаетесь в своей мастерской!» После этого randevу фильм приказали сократить вдвое, и Гайдай, чуть ли не рыдая, взял в руки ножницы. В итоге полуторачасовой фильм «похудел» ровно на половину. Мастерскую Ромма закрыли, и Михаил Ильич какое-то время вообще перестал появляться на «Мосфильме».

«Жених с того света» вышел на экраны страны в **июле 58-го**, но начальство распорядилось сделать всего 20 копий картины, поэтому увидело ее ограниченное число зрителей. Все это не могло не сказаться на здоровье самого режиссера. По словам киноведа И. Фролова: «Я тогда встретил Леню совершенно измотанного и больного. И без того длинный и тощий, он высох еще больше. Одежда болталась, как на жерди. Жаловался на приступы боли в желудке. Открылась язва. Надо было лечиться. И Гайдай решил поехать на минеральные воды. На прощанье заявил: „За комедию больше не возьмусь“».

И действительно, в **1959 году** он взялся за постановку фильма «Трижды воскресший», который рассказывал... о судьбе волжского буксира «Орленок». Фильму суждено будет с треском провалиться, несмотря на то что в главной роли в нем снялась первая красавица экрана тех лет Алла Ларионова. К счастью, в начале 60-х Гайдай все-таки вернулся в комедийный жанр, и один за другим снял сразу несколько кинокомедий, которым суждено будет войти в сокровищницу отечественного кинематографа.

Люся, стоп! (Людмила Гурченко)

В конце 50-х одной из самых популярных молодых актрис советского кинематографа была Людмила Гурченко. Но так вышло, что эта слава кое-кому оказалась не по душе. Как итог начинающую актрису буквально замордовали в центральной прессе. Много лет спустя она сама открыла почитателям своего таланта истинную причину тогдашней своей опалы. Рассказала же Гурченко следующее:

«Пятьдесят седьмой год. Международный фестиваль молодежи. Многих молодых людей из театральных вузов тогда вербовали для работы с приезжими иностранцами. Я на это не пошла, и меня просто уничтожили... Господи, да в этих „левых“ концертах участвовало столько людей, таких известных! Но сосредоточились на мне. Я долго не могла понять причин, связать это с тем отказом. Когда вырастешь в святом семействе в Харькове, трудно понять такие вещи, с которыми потом соприкасаешься...».

Так вышло, что главным рупором антигурченковской кампании стала «Комсомольская правда», которая дважды за короткий срок выступила против актрисы. Так, **27 июля 1958 года** там была помещена статья молодой журналистки Ольги Кучкиной (в наши дни она работает в той же газете и считается мэтром журналистики), которая не оставила камня на камне от игры актрисы в фильме «Девушка с гитарой»:

«Если фильм „Девушка с гитарой“ пройдет в общем незаметно для творческих биографий М. Жарова, Ф. Раневской и других маститых артистов, не принеся им ни особого вреда, ни пользы (кроме разве некоторой доли сожаления и неловкости), то для начинающей актрисы Л. Гурченко, исполняющей роль главной героини, картина явится опасным поворотом на ее артистическом пути. В своем первом фильме „Карнавальная ночь“ благодаря удачному сценарному материалу и хорошей работе режиссера Гурченко сумела создать образ живого и веселого организатора клубной самодеятельности Лены. В новом же фильме нет и намека на какой-то своеобразный характер...»

Кокетничанье перед объективом киноаппарата, красивые позы, словом, отсутствие серьезной работы над образом – это очень опасная дорожка в искусстве, она легко может привести к тому «легкому жанру» в дурном смысле этого слова, что расположен около искусства...»

На свою беду, Гурченко не придавала значения этой публикации. И продолжила свой путь по «опасной дорожке» – параллельно со съемками выступая с концертами по стране. Многие из этих концертов относились к категории «левых», и деньги, которые Гурченко за них получала в конвертах, не считались официальной зарплатой. Отказаться же от них актриса не могла, так как стипендию в институте не получала, концертной ставки пока не имела и денег от родителей получала ровно столько, чтобы заплатить за квартиру. Поэтому, как она сама пишет: «Если учесть, что такие бесставочники, как я, оплачиваются месяца через два после выступления, а голубой конверт вручается тут же, после концерта, то меня тогда эти два десятка голубых конвертов здорово поддержали».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.